

Александр Шевцов

Тойди тудда, не знаю куда

Книга четвертая
СВАТ НАУМ

Александр Александрович Шевцов

Пойди туда, не знаю куда. Книга 4. Сват Наум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66840993

Пойди туда, не знаю куда. Книга четвертая. Сват Наум.

ISBN 978-5-6044578-4-9

Аннотация

«Птица Рах кругами начала подыматься вверх, к небу, бормоча: «Домой... домой...»

Нетот же поймал себя на том, что думает не о доме, а о том, что осталось позади: о богах, асурах, о том, как он вообще смог выжить рядом с существами такой мощи, и даже не слишком их разочаровал, судя по прощанию. Хотя...

– Он просто дурак, который не отвечает за свои слова! – вот как относился к нему Индрик. Хотя это, конечно, можно было рассматривать заклинанием, которым он его защитил. Вроде имени Нетот, которое защищало его все время.

И все же, как не быть дураком, когда попадаешь в мир, где живут владеющие знаниями?.. В таком мире ты дурак, и это твоя судьба!

– ?Так каким путем-то, домой?! – отвлекла его птица Рах.

Нетот поднял глаза и увидел, как свет этого мира разделяется с тьмой, полной звезд. Мир был словно огромная перевернутая

чаша, наполненная светом. А над ним сияли звезды и лились млечные дорожки, ведущие в разные стороны...»

Содержание

Часть первая	6
Вход	6
Дурак	13
Прибор	20
Имя	29
Кладбище	38
Гнилые зародыши	48
На отшибе	57
Я не виноват...	64
Черная охота	72
Стрельцы	79
Молодецкие забавы	90
Кривые	99
Нож	106
В ожидании головы	114
Стрелецкий голова	122
Дела полковничьи	131
Конец ознакомительного фрагмента.	135

**Александр
Александрович Шевцов
Пойди туда, не
знаю куда. Книга
четвертая. Сват Наум**

© А. Шевцов, 2021.

© А. Шевцов, иллюстрации, 2021.

© Издательство «Роща», оформление, 2021.

*В оформлении книги используются «Небрежные рисунки»
автора.*

Часть первая

Вход

Птица Рах кругами начала подыматься вверх, к небу, бормоча: «Домой... домой...»

Нетот же поймал себя на том, что думает не о доме, а о том, что осталось позади: о богах, асурах, о том, как он вообще смог выжить рядом с существами такой мощи, и даже не слишком их разочаровал, судя по прощанию. Хотя...

– Он просто дурак, который не отвечает за свои слова! –

вот как относился к нему Индрик. Хотя это, конечно, можно было рассматривать заклиниванием, которым он его защитил. Вроде имени Нетот, которое защищало его все время.

И все же, как не быть дураком, когда попадаешь в мир, где живут владеющие знаниями?.. В таком мире ты дурак, и это твоя судьба!

– Так каким путем-то, домой?! – отвлекла его птица Рах.

Нетот поднял глаза и увидел, как свет этого мира разделяется с тьмой, полной звезд. Мир был словно огромная перевернутая чаша, наполненная светом. А над ним сияли звезды и лились млечные дорожки, ведущие в разные стороны.

– Ну, куда?! Решай быстрее!

И опять Нетот почувствовал себя дураком.

– Я думал, ты знаешь!

– Да я-то знаю. Но жить-то тебе. Куда выберешь, туда и отнесу.

– Так который из этих путей в мой мир?

– Все в твоей!

Нетот непроизвольно принялся тереть кольца, которые подарили ему богини, в надежде получить подсказку. На поверхности купола света появился Красный всадник на красном кольце, помахал Нетоту рукой и показал вверх, после чего замер, глупо улыбаясь, словно сделал что-то умное.

Звезды засияли ярче и принялись явственно щебетать, словно стайка болтливых девчонок. Щебетали все наперебой, стараясь перекричать друг друга, так что от их шума

Нетот лишь почувствовал головокружение. Наверное, это и является целью всех красавиц – сделать из мужчины дурака, у которого голова не соображает, а только кружится от любовных чар, подумалось Нетоту.

Млечные пути тоже ожили и начали по очереди словно загораться, становясь ярче. Богиня будто бы рассказывала человеку, чем один путь отличается от другого, но рассказывала на таком языке, который ведом лишь самым мудрым из мудрецов человеческого племени.

– Дурак я! – воскликнул Нетот.

– А?! – поперхнулась птица Рах недоуменно. – Это ты... а, ты хочешь сказать, ты же теперь будущее видишь? Понятно. Я тоже глупая, не сообразила. А что, хорошая мысль. Вот смотри, есть пара-тройка зародышей!

И все пути словно погасли в темноте, побледнев почти до невидимости, остались лишь три млечные закорючки, спиральями уходящие ввысь.

– Вот этот был заготовлен слишком давно. Это старый дурак. Его уже не исправить. Тебе, думаю, не подойдет... Ты же не хочешь быть старым дураком?

– Совсем не хочу! – воскликнул Нетот, не понимая, к чему птица повела весь этот разговор, и от этого чувствуя себя еще глупее.

Одна из млечных спиралей тут же погасла.

– А вот этот, пожалуй, маловат. Двенадцать лет дурачку. Он под себя ходит. Ты не хочешь быть двенадцатилетним

дристуном?

– Конечно, не хочу! Ты к чему это все?

– Ну, тогда все определилось! – воскликнула птица Рах, резко набирая скорость по направлению к оставшейся млечной закорючке. – А что, мудрый выбор! Я тобой горжусь!

– Какой выбор?! Какой выбор?! – закричал Нетот, чувствуя, что по глупости попался на какое-то плутовство, и его бы стоило остановить, пока не поздно.

Но скорость стала такой, что в ушах загудело, и птица Рах только переспрашивала, как старая, глухая тетеря:

– А? Что?! Тебе нравится?

Нетот попытался натянуть волосяной пояс Солнцевой сестры, чтобы остановить птицу, но тут они оказались перед висящими в пространстве Вратами, от которых, оказывается, и начиналась эта млечная спираль.

Врата были удивительно похожи на те, к которым Нетот когда-то подымался по восходу с Учителем и Баимом. И тоже были закрыты. А то, что они жутко прочные и твердые, Нетот помнил.

– Эй-эй, убьемся! – закричал он птице, еще сильнее натягивая свой повод.

– Небось, небось, прорвемся! Царства небесные силой берутся! – крикнула в ответ птица Рах, зазвенела своей мелодичной песней и принялась набирать скорость, метясь в самый створ ворот.

Нетот непроизвольно зажмурился, ожидая удара, но удар

произошел где-то впереди. Нетот распахнул глаза и увидел, как створки ворот разлетаются, пропуская их в белое марево, а когда обернулся, успел заметить, как они быстро захлопнулись за ними, едва не прищемив птице Рах хвост.

Они с птицей дружно заорали, выпуская то, что накопилось в груди, словно мчащиеся с крутой горки на санках. Вот только горка эта вела вверх.

Скорость их все возрастала, видимо, благодаря млечному пути, который их подхватил. Сначала был только свистящий мимо белесый туман, затем замелькали, словно они летели сквозь слоеный пирог, полосы звезд, света и тьмы, чередуясь без всякого порядка, на взгляд Нетота.

Это длилось долго, так что Нетот почувствовал, что начинает засыпать, несмотря на все свое внутреннее напряжение. Это его пугало, поскольку можно было свалиться с птицы, и, как он предполагал, потеряться в этих бесконечных пространствах.

Он изо всех сил цеплялся за уздечку, но сон одолевал его,

расслабляя тело, и он собрал все свое сознание на одном: не разжать руки, держащие подарок богини, не выпустить волшебный пояс...

Дурак

– Поди, дурак, принеси дров!

Визгливый голос младшей невестки привычно разгонял его сон, но он столь же привычно укутывал его в еще плотные остатки сна.

– Да вели ему и воды принести! – подхватила старшая невестка. – Скажи, кормить не будем, если не принесет!

– Слышал, дурак, давай дров и воды! – завизжала младшая.

Дурак довольно успешно защищался сном от голосов, но невестки не отставали и стали кидать в него валенками. Валенкам сон сопротивлялся плохо...

Он, оказывается, спал на печи, и спать становилось все труднее, потому что печь остыла, и под тулуп, которым он укрывался, задувало. Дров нести все-таки придется...

Дурак все же попытался натянуть тулуп на голову, чтобы не попали сапогом, и почувствовал, что его руки сжимают какую-то веревку. Он поднял ее к глазам. На печи было темно, но в бабьем куте горела лучина, и в ее скачущем свете он разглядел, что это был плетеный из волоса поясок. Руки вцепились в него, будто от этого зависела его жизнь. Что-то знакомое было в нем, что-то он узнал... только вспомнить не мог... но тут невестки совсем зашлись криками, требуя нести дрова.

– Да, а вы-то что?! – зевнул дурак, усилием разжал руки и лежа принялся подпоясывать плетеным пояском свою рубаху. Руки затекли, и пальцы плохо шевелились, но он все же упрямо навязал несколько узлов, словно боясь потерять свой новый поясок. Он не знал, что в этой веревочке такого ценного, но знал, что никому ее не отдаст.

– Как, мы-то что?! – закричали они в голос. – Вишь, на улице мороз какой! Как мы тебе лед на реке прорубим?!

– Я ленюсь, – снова зевнул он.

– Как ленишься?! Ленился он! Небось, как кашу хлебать, так первый с ложкой прибежишь! Неси дров, а то скоро совсем изба выстынет!

– Не, не хотца! – закутался он в тулуп.

– Тебе братья обещали из города красный колпак привезти? Вот они вернутся, а мы скажем им, чтобы не отдавали!

Это возымело действие, и дурак представил себя в красном колпаке. Это было желанно. Поэтому он свесил с печи ноги, нащупал валеные сапоги, стал обуваться. Тут, правда, показалось ему странным, что ему так хочется иметь красный колпак, и указательный палец его руки привычно полез поковыряться в носу...

Но поковырять ему не дали.

– Поди уже! – закричала младшая невестка. – Опять в носу ковыряется! Вот ведь любитель мух считать!

Дурак вздохнул, вынул палец из носа, слез с печи, взял топор из запечка и пошел из избы. Мороз он не любил, любил

он тепло, почему и жил на печи. Но сегодня его что-то грело. И это тоже было необычно и вызывало смутное удивление. Но тут на глаза ему попались дрова – длинные и нетолстые березовые стволы, что навозили они с братьями с болота, где стоял один сухостой.

Дурак принялся привычно рубить дрова. Брал левой рукой посередине ствола, клал хлыст тонкой частью на толстый пенек и одним ударом наискосок перерубал ствол, отсекая ровные полешки длиной поменьше аршина – как раз чтобы в печку входили. Когда тонкая часть была перерублена, толстую он клал на пенек серединой и рубил двумя руками.

Ему доставляло наслаждение, что он может перерубить почти любое дерево с одного удара. Но если все же оно не перерубалось, дурак брал такой надрубленный ствол руками и ломал. Силушкой бог дурака не обидел!

Нарубив дров, он сгреб все сразу в охапку, чтобы не ходить дважды, с трудом протиснулся в двери и пронес дрова к печи. Младшая невестка, услышав, что он перестал рубить, стояла наготове, чтобы открыть ему дверь и сразу же за ним захлопнуть ее, чтобы тепло из избы не выходило. Бросив с грохотом дрова возле печи, дурак взял две деревянных бадьи в одну руку и пошел за водой на реку, по дороге прихватив топор.

– Рыбки бы наловил! – крикнула вдогонку старшая невестка.

Речка протекала сразу за огородами. Небольшая такая, но рыбная. Зимой рыба в малых речках и озерах задыхается, поэтому ее тянет к прорубям. Вся деревня брала воду в реке, и потому у каждого дома была своя прорубь.

Дурак по протоптанной дорожке прошел прямо к своей проруби, вырубил топором свежий лед, что намерз за ночь, вычерпал ледышки бадьей, подождал, пока вода продышится, и зачерпнул одно ведро. Второе он наполнять не стал, а опустил бадью под воду, держа за веревку, привязанную к деревянной ручке, и притопил толкачом – палкой, которая у него была припасена возле проруби на этот случай. И стал ждать.

Мелкая рыбешка появилась мгновенно, толкаясь у самой поверхности. Но мелочь дурак ловить не хотел. Ему хотелось поймать щуку. Как только появилось что-то покрупнее, он тихонько подвел ведро к поверхности воды, и рыба оказалась внутри ведра. Он вынул и вышвырнул добычу на лед. Это были окуни и подлещик. И еще какая-то мелочь, которую он старательно бросал обратно в воду, пока ее не прихватил мороз.

Так дурак повторил несколько раз и наловил больше, чем обычно. Уж очень хотелось ему поймать щуку...

При мысли о щуке какое-то смутное воспоминание шевельнулось в его сознании, но спряталось, как только он его заметил. И все, что удалось ему вспомнить, что щуки бывают такие, что могут исполнять желания. Надо только сказать:

«По щучьему велению, по моему хотению!»

Но щука сегодня не ловилась. Поэтому дурак воткнул свой толкач в сугроб возле проруби, зачерпнул воды второй бадьей, побросал в нее пойманную рыбу, – все равно уху варить будут в этой воде, – и пошел к дому.

Тут пришла ему дурацкая мысль: а зачем, собственно, ему ловить щуку, если сказать: «По щучьему велению, по моему хотению», – он и так может! Вот только что ему хочется-то?

Тут вспомнился ему красный колпак и красные сапоги с загнутыми носами, которые обещали ему старшие братья. И еще синий кафтан, перетянутый в несколько обхватов широким поясом. Как у стрельцов!

– Вот хочу быть таким же красавцем, чтобы, когда мы идем строем сквозь деревню, все девки из изб выскакивали и делали вид, что и не глядят вовсе... так, бросают косые взгляды из-под бровей! – подумалось дураку.

У дураков места сомнениям нет. Подумано – сделано!

– По щучьему велению, по моему хотению, хочу в стрельцы!

Произнес и принялся радостно озираться по сторонам, словно стрелецкий наряд должен был с неба на дорожку упасть. Даже губу отвесил, так что зубы стынуть начали в открытом рте.

Однако ничего не выпало, и драный тулупишко синим кафтаном тоже не стал. Так и пришлось дураку нести воду с рыбой в избу. Там поставил он ведра на скамью в бабьем за-

кутке у печи, а сам улез к себе на печь. И надо признать, почувствовал себя весьма расстроившимся, хотя ощущал, что чувство это было ему досель незнакомо и непонятно.

Лег, накрылся тулупом, отвернулся лицом к стене, ухватился обеими руками за пояс и загрустил, затосковал, да так, что даже заплакал тихонько.

Младшая невестка услышала его сопение, залезла на голбец, сунула голову к нему на печку и принялась трясти за плечо:

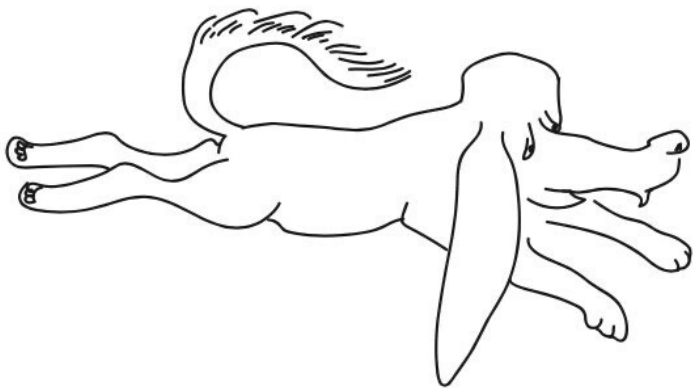
– Ты чего, дурак, не плачешь ли часом? Ты прекрати, дурак такой, не обижайся! Мы же не со зла!

– Чего он там? – крикнула старшая невестка снизу.

– Плачет, чегой-то!

– Вот дурак! Чего это он! Не плачь, сейчас ущицу сварим, кашки! Поешь, будет хорошо.

– Да я не плачу, – буркнул дурак в ответ и шмыгнул соплями. – Так, чего-то... Не так все!

– Да не плачь ты, не плачь. Мы же тебя любим, дурачину, – не отставала младшая невестка. – Ну, неудачный ты у нас. Зато хороший. Не плачь!

Дурак уж и не знал, как сделать, чтобы невестки отстали, но тут в дверь избы бухнул пудовый кулачище, дверь отворилась, и в избу ввалились два дюжих стрельца.

– Так, хозяйева, велено призыв объявить. Царь-батюшка прибирает в стрельцы охочих молодцов. Нет ли в семье кого дюжего и неженатого, кто готов на царскую службу пойтить?

Прибор

Один стрелец остался у двери, прислонившись к стене, второй прошел за стол, снял шапку с меховой опушкой, перекрестился в красный угол и уселся, достав из кафтана какие-то бумаги.

– Я десятник здешней заставы. Кто старший мужчина в семье?

Старшая невестка поклонилась ему:

– Мой муж.

– Зови!

– Они с братом, с ее мужем, в Суздаль торговать уехали...

Скоро вернуться уж должны!

Десятник в сердцах бухнул по столу кулаком.

– А этот кто? – показал он на дурака.

– Это ихний младший брат, деверь наш!

– Он тяглый?

– Не, он дурачок. Отец помирал, все имущество и тягло на старших братьев записал...

– Ага, не тяглый, значит! Тогда мы его забираем!

Невестки заголосили, но десятник зыркнул на них, и они прикусили уголки платков, словно кончики языков.

– А куда вы его? – спросила все же старшая. – В стрельцы, что ль?

– Пока к нам на заставу, при сторо́же нашей похоронная

ватага собирается стрелецкая. Будут мертвяков, что после моровой язвы остались по деревням, собирать.

Невестки завыли в голос, но десятник поднялся, спрятал бумаги, одел шапку и подошел к печи, с которой дурак смотрел на него широко распахнутыми глазами:

– В стрельцы хочешь?

Дурак радостно закивал, но своего не упустил:

– А красную шапку и синь кафтан дадут?

– Дадут-дадут! – засмеялся стрелец у двери.

– Догонят и еще дадут! – буркнул десятник и мотнул дураку головой, чтобы спускался. – Станешь стрельцом, полагается по наряду: кафтан синий, шапка красная, сапоги юфтевые, пищаль, бердыш и сабля, со свинцовым и пороховым запасом.

Дурак подхватился и кубарем слетел с печи.

– Сбылась мечта дурака! – кривовато усмехнулся стрелец, что стоял у двери.

– Давай бегом! – прикрикнул в ответ десятник.

И дурак принялся обувать сапоги и одеваться.

– И топор прихвати! – сказал стрелец, выходя из избы вслед за десятником.

Пока дурак обувался и одевался, младшая невестка метнулась на кухню и собрала ему узелок с едой.

День был в разгаре, солнышко ярко светило, видать, к морозцу, скрипел снег под полозьями саней, а сани сами везли

дурака, словно по щучьему велению, прямо к его мечте, так что он мог лежать на сене и глядеть в небо... Единственное, что его занимало, это то, что на стрельцах были обычные, серые кафтаны.

Стрельцы, что входили в избу, оба были стремянными, на конях. Третий сидел в телеге и правил лошадю.

– Слушай, – спросил его дурак. – А почему у вас кафтаны не синие? Может, вы меня обманули?

– Синие – это же праздничные, строевые! А так полагается походные кафтаны носить. Серые или черные, смотря в каком полку...

– Эх, хорошо! – ответил дурак и снова уставился в небо.

Отряд объехал сначала деревню дурака и прибрал двух гулящих людей, которые прибились по избам на зиму. Затем поехал в соседние деревни, и там забрали еще несколько человек. Гулящие люди – обуза в хозяйстве, их кормить надо, поэтому выдавали их стрельцам легко. Да и они сами задавали только один вопрос: «На достаток поставят? Кормить-одевать будут?»

И как только определялось, что зимой они будут сыты и в тепле, одевались, прихватывали с хозяйского двора какой-нибудь инструмент и шли к розвальням. Инструмент хозяева отдавали неохотно, но лучше было потерять топор, чем целую зиму кормить лишний рот. Да и со стрельцами особливо-то не поспоришь.

Все расселись в санях, но дурак, на правах самого первого,

лежал посреди саней на соломе, и никто его не беспокоил.

Набрав пяток человек странных людей дураковатого вида, десятник сказал, что пока хватит, наверное, и повернул к заставе.

На обратном пути проехали они через деревню дурака. И тут из избы выскочили оба его брата и подхватили лошадь десятника под уздцы, чтобы поговорить. Дурак им обрадовался и радостно закричал, что ему обещали синий кафтан и красную шапку. Братья на него только покосились и принялись расспрашивать десятника.

– Господин стрелец... – обратился к нему старший брат, который был самым умным в семье и остался за старшего мужчину в доме.

– Десятник! – поправил его стрелец.

– Господин десятник, – поправился старший брат и поклонился, – вы у нас брата забрали.

– На государеву службу, – ответил десятник. – По прибору.

– По прибору али нет, но вы нас работника лишили, – подхватил средний брат.

– Зато и рта лишнего тоже. Али вы что против государева указа сказать хотите?

– Это так, это так, – закивал старший брат. – То есть, нет, против указа, конечно, нет. Но и нас понять можно. Мы за брата печемся. Я старший, без моего согласия вы его не возьмете.

– И что ты хочешь?

– Будет ли он на довольство поставлен?

– Конечно! Пищевое и одежное.

– То есть стрелецкое?

– Ну, пока мы его в похоронную ватагу берем. Застава наша, вы знаете, на шуйской дороге стоит. А в Шуе моровая язва была. Но, говорят, в октябре, ушла. Наша задача – не пустить язву в Суздаль и дальше в Москву.

– И что, уже добралась до заставы?

– Похоже, добралась. Дальше не прошла. Мы всех проезжих в пяту разворачиваем. Они в ближние деревни едут. Вот, пришла весть, ближняя к нам деревня вся вымерла... Хоронить надо...

– Так это, господин десятник, дело опасное! Этак вы нам брата уморите! А что нам с этого?

К этому времени вокруг них стали собираться деревенские, и десятник уже поглядывал на них с легкой тревогой.

– А что вы хотите?

– А скажите, господин десятник, если он в похоронной ватаге, у него все права стрелецкие будут?

– Какие права?

– А вот право иметь торговое место на посаде в Суздали?

– Ну, это вы не ко мне. Это вам к голове нашему надо.

– А где он?

– Так вы же стрелецкую слободку под Суздалем знаете? Вот там и найдете. Спросите, вам покажут. Но думаю, в этом

вам отказу не будет.

– А вот хотим мы из тяглых крестьян в купеческое сословие записаться, в этом нам помощь возможна?

– А ты умен! Ну, это не знаю... Хотя, если ваш братишка хорошо себя проявит, тут все может быть. Голова наш из боярских детей, он чуть не у боярина Морозова служил. Скажите вашему братишке, чтобы служил гораздо, если голова поспособствует, все возможно, глядишь, и станешь однажды гостем!

Братья развернулись к дураку и дружно показали ему здоровенные костлявые кулачищи:

– Слышь, дурак, служи гораздо!

– А я чё, – заулыбался в ответ дурак, – служить я могу!

Пусть только красную шапку и синий кафтан дадут!

– Ты нас понял! Служи гораздо, а то все бока обломаем. Раз уж ты наших баб без помощи оставил, так хоть семье помощи подняться!

Гуляющие вокруг дурака захохотали. Но он поднялся в телеге, снял шапку и поклонился братьям в пояс:

– Благословите, братцы, порадеть за семью и род наш! А я вас не подведу!

Братья перекрестили его и дружно прогудели:

– Благословляем!

А затем сняли шапки и поклонились сначала брату, потому десятнику, а потом миру, толпящемуся вокруг.

Десятник переглянулся со вторым стрельцом, дернул уважительно бровью и махнул рукой в перчатке:

– Трогай!

Имя

Народец в похоронную ватагу подобрался хороший, веселый и простой – всех простых парней, всех деревенских дурней собрали. Зубов, правда, почти у всех, кроме дурака, не хватало. У некоторых не доставало и ушей, и пальцев. Зато поесть любили все, собственно, за еду и продались. И как только братья дурака пропустили их поезд, дружно загалдели о том, скоро ли их покормят.

Десятник ответил, что сначала всех запишут и определят на постой, а потом сами себе и сварите, чем вызвал гул недовольства у всей гулящей братии. Дураку стало жалко приятелей, он достал узелок, что собрала ему невестка, и протянул соседу:

– Ешьте, братцы!

Узелок тут же был развязан и поделен на всех. Дураку тоже выделили честную долю от краюхи хлеба. Дураку почему-то последний день есть совсем не хотелось, хотя раньше, как он помнил, поесть он был не дурак... Он спрятал краюху за пазуху и уставился в небо. На улице было морозно, но ему почему-то не было холодно, и он радовался жизни...

Застава была устроена в брошенной деревеньке, стоящей прямо на дороге. Саму дорогу перегородили полосатым бревном и соорудили возле него будку, где сидел часовой. Возле будки по обе стороны дороги горели костры, чтобы не

пропустить чуму.

Стрельцы стояли в паре крайних изб, из которых жильцы ушли, как только началось поветрие. Одну из них получше занимал десятник.

На заставе ватагу приняли стрельцы, велели с телеги не сходить, по избам не лазать, когда позовут, по одному заходить в избу десятника, шапку снимать, говорить, как зовут. Выходили из избы с черными балахонами в руках, которые тут же и надевали поверх сермягов и тулупчиков. Балахон на стрелецкий кафтан похож совсем не был, зато ватага сразу стала глядеться единообразно, как полагается в настоящем войске.

Когда дошла очередь до дурака, он зашел в избу, снял шапку и встал перед столом, за которым сидели десятник, поп и писарь. Из всех изб эта была единственная со слюдяными окнами. Но внутри все равно было темно, и потому на столе стояли подсвечники с сальными свечами. Но свечи не жгли, жгли лучины в воткнутых в стены светцах.

Завидев попа, дурак перекрестился на попа вместо иконы и поклонился писарю. Поп кивнул и перекрестил его со вздохом – что с дурачины взять?!

– Как зовут? – спросил писарь, облизал перо и макнул в медную чернильницу с единорогом на боку и маленькими колечками, чтобы привязывать к поясу.

– Дураком!

Поп опять вздохнул, писарь поморщился:

– Дураками всех зовут! Имя какое?

– Так и имя, поди, такое же!

– Тебе, что, имя при рождении не нарекли? – поднял писарь на него удивленные глаза и переглянулся с попом.

Дурак понял, что речь идет о чем-то, что даже дураку полагалось знать, и постарался понять эту странность. Действительно, у старшего брата было имя, у среднего тоже было. И у жен ихних были имена. А вот было ли у него?.. Сколько ни силился, на ум ничего не приходило...

– Так дурак и дурак... – пробормотал он. – Сколько себя помню...

– А ты помнишь себя? – спросил поп, и дурак впал в еще большее недоумение, потому что не мог понять, что значит – помнить себя...

Не дождавшись ответа, писарь с попом вопросительно уставились на десятника. Тот даже растерялся:

– Так кто же мог знать, что он имени не помнит!

– А тебе бумага почто дана была, как не записать сразу имя, из какой деревни, какого звания?

– Да не в стрельцы же прибирали! В похоронных! А, вспомнил, братья, кажись, его Федотом звали!

– Точно, Федотом? – переспросил писарь.

– Точно! Пиши.

– Значит, ты Федот? – спросил писарь дурака.

Дурак задумался, и было ему очень странно обнаружить, что он не просто так, а Федот... Да и имя это как-то отзывает

лось у него, он кивнул, а сам попытался приложить к себе имя, и никак не мог понять, куда же его в себе приспособить, и как имя прилаживать нужно. Но когда стрелец, выдающий балахоны, его окликнул, имя словно дернуло за что-то внутри него, и он повернулся на зов.

Это было так странно: совсем незнакомая и чужая вещь – имя – за что-то словно цеплялась, и дурак даже чувствовал, что она будто пускает корни внутри него, прорастая в нем так, что он весь менялся.

– Эй, Федот, – сказал ему десятник, – когда тебя по имени кличут, надо отвечать: я! Понял?

– Ага, – ответил дурак.

– Не ага, а есть! Понял?

– Ага.

– Федот, ты дурак?! – прикрикнул десятник, и дурак вдруг почувствовал удивительное состояние: дурак словно отделился от него и стал относиться к имени...

– Кажись, да... – в растерянности ответил он, чувствуя, что его лишают чего-то важного, привычного. Словно у него вся жизнь разваливалась.

– Федот! – снова крикнул стрелец с балахонами.

– А? – отозвался дурак и почувствовал, что ответил это как бы и не он, а то имя, которое проростало в него. Подумал и добавил: Я!

Все присутствующие переглянулись и засмеялись с облегчением.

– Гляди ты, не полный дурак! – сказал писарь.

– Может, он не безнадежный? – покивал поп.

– Сейчас посмотрим, – откликнулся десятник и рывкнул на дурака начальственным голосом:

– Федот!

От его окрика что-то в дураке напугалось и хотело шмыгнуть к дверям, а что-то вдруг подалось вперед и ответило:

– Я! Чего?

– Подойди к столу, получи балахон!

– Ага, – ответило из дурака что-то, что ощущало себя Федотом, и пошло к стрельцу с балахонами.

Оно пошло, а тело осталось стоять, и дурак в обалдении замер, обернулся и уставился на свое тело, которое растерянно замерло на месте. В следующий миг он понял, что это дурак стоит, а он, который смотрит, это Федот, и ему странно, что тело его не слушается.

Ощущения эти длились лишь краткое мгновение. Затем раздвоение пропало, он понял, что стоит и моргает глазами, не в силах понять, что с ним происходит.

– Ну, чего стоим! – прикрикнул десятник еще раз.

И Федот пошел получать новую одежду. А получив, попытался натянуть ее на себя поверх тулупчика, но парень он был крупный, и этот балахон на него не налез. Пришлось подбирать ему самый большой. Подобрали, померили.

– Такого богатыря не грех и в стрельцы определить, – сказал писарь.

– Поглядим, – буркнул в ответ десятник.

– Так у вас скоро новый прибор подходит. Проверь его, как он из самопала палит.

– Проверю, – ответил десятник и махнул рукой Федоту. – Иди к своим.

Федот в задумчивости вышел из избы и забрался в сани на свое место, где закопался в сено и начал болеть. Странная вещь – имя, – ощущалась живущей в нем своей жизнью. Она словно всасывалась во все его жилки и косточки, шевелилась и заставляла о себе думать. Никогда не испытывал он таких ощущений и боялся их.

Словно что-то чужое теперь проникло внутрь него и жило в нем собственной жизнью, а с ним входила какая-то определенность. Получалось, что теперь можно было рассматривать самого себя. Но эта определенность выдавливала из него ту безмятежность дурацкой жизни, которой он был наполнен ранее, и это пугало...

Вышел из избы десятник, свистнул стрельцам. Те принесли четыре багра с крюками, вручили похоронщикам. Стрелец, который правил до этого с лошадьё, спросил:

– Кто с санями-то управляться умеет?

– Ну, я умею, – ответил один из гулящих.

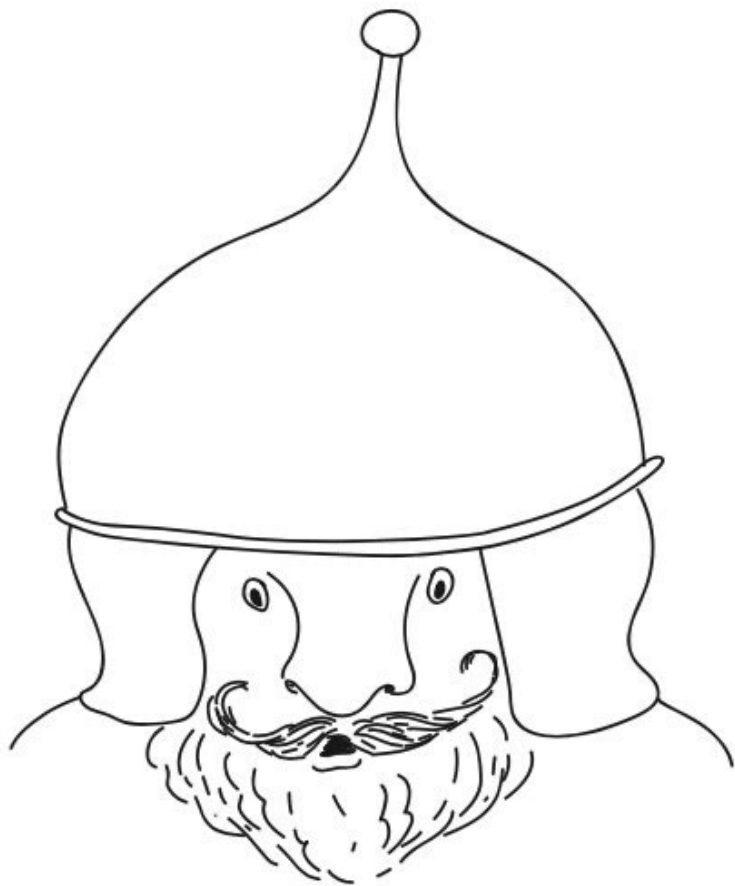
– Значит, тебе и управляться дальше. Сено для лошади в санях, – и отдал ему вожжи.

Подшло с пяток стрельцов с бердышами. Десятник при-

казал им:

– Отведете на постой в хутор. Покажете все. Объясните, чего делать. Сами в деревню не ходите.

– А еда? – крикнул кто-то из похоронных.

– Да, еду им выдайте там, в хуторе, – показал десятник на пару котомок, приготовленных на крыльце. Махнул рукой: «Отправляйте!» – и ушел в свою избу.

– Стройся, вы, уроды! – скомандовал бородатый стрелец и провел кованным подтоком бердыша черту перед собой. – Чтобы ноги на черте были! Живо!

Кладбище

Застава или, как ее называли стрельцы, сторо́жа, видимо, раньше была брошенной деревней, которых на Руси в то время становилось все больше. Сторожевая изба, в которой размещался десятский, была крайней и выходила прямо на шуйскую дорогу. В будке постоянно сидел на страже стрелец с бердышом и пищалью и грел руки над небольшим костерком, который развел прямо перед будкой.

Против морового поветрия лишних костров не бывает!

Пятеро стрельцов, отправленных сопровождать похоронную ватагу на конях, тоже взяли ружья, тут же во дворе сторожевой избы зарядили их из пороховниц, висевших у них на поясах, порохом, забили пули и пыжи, запалили фитили и воткнули их в курки. Собирались, как на бой...

Похоронщикам выдали, кроме крюков, еще и пару ломов, наподобие пешней – рукоять деревянная, низ железный, – чтобы долбить мерзлую землю. Затем полосатое бревно подняли, и отряд выступил в поход. Дурацкая дружина радостно гоготала, похлопывая котомки с едой. Федот лежал на своем срединном месте, заложив руки за голову, глядел в небо и думал о том, что с ним происходит. Имя определенно меняло что-то в нем, и его слегка мутило...

Настроение у него было странное, так что даже гулящие старались его не задевать. Перед выездом один уродец по-

пытался занять его место на сене, Федот молча взял его за грудки, поднял одной рукой, так что у того ноги задергались в воздухе, и поставил на землю. После этого перед ним расступались даже стрельцы...

Дорога шла через ближнюю деревеньку – пяток избенок на одном берегу ручья, и хуторок на другом. Но стрельцы туда не поехали, остановились вблизи деревни, и старший показал рукой:

– Вот деревня. Через нее люди в Суздаль едут. А в ней все примерли... Так и лежат, где пали. И похоронить некому. Мы в Суздаль не пускаем, заворачиваем. Люди с устатку идут в деревню отдыхать. И там полягут. Надо из всех домов мертвых вынести, погрузить на сани и свезти на кладбище...

– А где погост-то? – крикнул один из похоронщиков.

– На погост их нельзя. Кладбище для них рыть будете, – ответил стрелец.

– Чего?! – заголосили гулящие. – Такого договора не было, мерзлую землю рыть! Мертвых потаскаем, а землю пусть дураки ковыряют!

– Кладбище рыть будете! – рявкнул стрелец. – Вот у вас ломы. Лопаты нарубите. У кого топоры с собой?

Топоров точно была пара, но среди гулящих дураков не было, поэтому топоры неожиданно пропали, и только один Федот поднял руку:

– Велико ли кладбище-то рыть?

– Человек на двадцать... может, пару дюжин, – ответил

стрелец.

– Я вырою, – кивнул Федот.

– Огонь-то есть чем развести? – спросил стрелец.

– Не-а... А зачем?

– Вот дурак! – засмеялись стрельцы вместе с гулящими. –

Земля-то мерзлая!

– А... – ответил Федот, прибирая себе лом. – Я вырою!

– Не дури, – осадил его старший стрелец и протянул кресало. – На вот. Умеешь пользоваться-то?

Федот кивнул.

– Стало быть, смотрите, – повернулся стрелец к похоронщикам. – Через деревню ручей течет. По эту сторону речки, вон, видите, стоит хутором одна избенка. Там больных не было, оттуда люди еще осенью ушли, когда река не встала. Как только мор пошел, так и ушли, не дожидаясь. Вот там и будете ночевать. Кладбище будем рыть на этой стороне, вон на той опушке, – показал стрелец рукой. – Мы сейчас туда дорогу протопчем конями, не заблудитесь. Всё, езжайте, обживайтесь. Возить будете завтра. Ты пойдём с нами, мы тебе место покажем, – позвал он Федота.

Федот взял оба лома, заткнул топор за пояс и пошагал следом за конниками. Ватага его с гиканьем покатила к хуторку прямо по снегу, благо он был еще неглубоким.

Стрельцы какое-то время ехали прямо к деревне, но шаг их становился все тише. В околицу въезжать не стали, оста-

новились, наблюдая. Деревня была пустая, и лишь посреди-не три одичалых свиньи с визгом дрались за что-то со стаей бродячих собак.

– Никак мертвяка делят... – сказал один из стрельцов и перекрестился. Остальные тоже перекрестились и поехали вокруг деревни вдоль околицы, выведенной старыми, серыми от времени жердями. Федот шагал по конскому следу, озираясь на деревню. Ему не было страшно, но гуляла внутри какая-то тоска...

На опушке стрельцы выбрали место под кладбище, спешили и начали помогать Федоту собирать дрова. Натаскали сухостоя, разложили по снегу кучей шага в четыре поперек и шесть вдоль. Старший стрелец покосился на Федота и покачал головой:

– Справишься ли?

Федот, пока стрельцы добывали топливо, выбрал себе крепкую не толстую сосновую сухостоину под лопаты и принялся пластать ее вдоль, надрубая и вгоняя клинья. Сухостоина как раз треснула и развалилась вдоль на две половины.

– Вишь, справлюсь! – улыбнулся он стрельцу.

Стрелец покачал головой, переглянулся со своими с улыбкой.

– Ну, поглядим. Большой труд, такую ямищу вырыть. Может, кого из этих в помощь прислать все же?

– Да какая от них помощь?! – отмахнулся Федот. – При-

шибу только, – и принялся обтесывать плаху под лопату.

Деревянная лопата землю плохо роет, поэтому их делают неширокими и заостряющимися. Лучше из смолистого дерева, смолистое дольше стоит. Федот сразу обрубал по виду лопаты, решив, что тесать в размер обрубленную лопату будет легче, чем всю плаху.

– Ну, ладно, – кивнул стрелец. – Давай я тебе хотя бы костер подпалю.

Человек он был опытный, с кресалом обращался умело, но случается такое с костром, что-то не заладится, и никак не разожжешь. Вот и у стрельца в трут сразу же попал снег со случайно задетой ветки, искра его не брала. Он начал тихо браниться. Товарищи было предложили ему другой трут, но Федот вынул то кресало с огнивом, что ему дали, взял сухие сосновые щепки и стружки потоньше, которые успел настругать, и без трута и бересты подпалил их с одного удара.

Все стрельцы сгрудились вокруг него, глядя на занявшийся костерок, быстро охватывающий всю огромную кучу дров.

– И как он это сделал? – наконец спросил один из стрельцов, пятясь от жара.

– И как это ты сделал? – повернулся к нему старший.

– Я не знаю... – обалдело ответил Федот. – Я попробовал...

– Ну, все, братцы! – крикнул старший. – По коням! К еде-то не опоздаешь? – показал он головой на хуторок, куда ука-

тила вся веселая ватага.

– У меня с собой есть, – отмахнулся Федот, похлопав себя по тулупу, где лежал у него за пазухой ломоть хлеба из узелка, что дала младшая невестка. Но есть он не хотел, и это было странно, потому что обычно поесть он любил.

К тому же обычно он любил тепло, это он помнил. А сейчас ему не было холодно. И еще он не любил работать, а сейчас ему хотелось помахать лопатой. Это было очень новое ощущение, непривычное, но привычные как-то быстро забывались...

Стрельцы уехали, переговариваясь о чем-то, а Федот разделся до исподней рубахи, подпоясанный странным волосяным пояском, и принялся махать топором, вытесывая лопаты. От костра перло жаром, так что снег таял далеко вокруг. Времени было навалом, и Федот настрогал, пока костер прогорал, десяток лопат, так что хватило бы на всю ватагу.

Затем разгреб угли и принялся ломом долбить землю. Промерзла она за осень неглубоко, почва была только сверху, внизу песок, дело шло даже легче, чем представлялось вначале. Перерубив ломом весь верхний слой почвы в мелкие комки по всей площади костра, Федот повыбрасывал землю и начал последовательно, штык за штыком, углублять яму в песке.

И так разохотился, так разошелся, в удовольствие размахался лопатой, что не останавливался, пока не заметил, что,

когда швыряет песок вверх, он сыплется сверху обратно ему на голову. Поглядел и понял, что яма уже так глубока, что лопаты не хватает, чтобы выбрасывать песок.

– А вот какой глубины рыть, не сказали... – огорчился Федот. – Ну, завтра спрошу у старшего!

День в ноябре короткий, смеркалось, и Федот решил идти на ночевку. И тут понял, что яму вырыл, а как из нее вылезать будет, не подумал.

– Может, я и вправду дурак? – мелькнула у него неожиданная мысль. – Как же глупо-то!

Но вначале он не напугался. Решил, что выкарабкается из ямы, цепляясь за стенки. Но решил не быть дураком и позаботиться об инструменте, и с дуру выбросил лопату наружу. И оказался один в глубоченной могиле. Попытался ухватиться за край и подтянуться. Но край обломился, и он рухнул на дно, а песок засыпал ему все ноги. Он встал, отряхнулся и попробовал еще раз выскочить с разбегу, и только выбил несколько глыб песка из стенок, и упал так, что песок засыпал его по пояс.

Тут он напугался и подумал, что в следующий раз может засыпать и с головой, стал осторожнее и начал пробовать разные способы – то пытался выпрыгнуть с разбегу, то полз по стене медленно, впиваясь в нее, точно змея, то рыл ямки для ног в рыхлом песке. И каждый раз сваливался обратно. Могила не хотела его отпускать.

Он сел на кучу песка, насыпавшегося внутрь ямы со сте-

нок, и затосковал. И тосковал до тех пор, пока вдруг не почувял, что его словно сжимает внутри тела. Эта могила была огромной, но она была узка, словно не тот мир, в котором он мог жить. Он был больше, шире и могилы, и деревни своей, и дурака этого... Ему обязательно надо вырваться из этой ловушки! И ловушкой этой он внезапно ощутил самого себя...

Он никогда не испытывал таких ощущений. Он даже не чувствовал себя дураком. Ну, звали так, но он был просто собой. Просто жил, просто ленился, просто делал, что велено... А тут дурак его поймал! Вырыл для него кладбище. Дурак вырыл, дурак и зароет. Из дурака надо вырывать! Дурака надо было как-то выбить из себя!

Федот наполнился решимостью, встал, подошел к песчаной стенке и принялся колотить по ней кулаками с такой силой, что песок отслаивался целыми пластами и стекал к нему под ноги. И так обсыпал он себе всход наверх, пока не уцепился за край мерзлой земли. Земля все же прогрелась от костра и легко обломилась, так что получился выход.

Федот выкарабкался, вымыл руки снегом, почистил валенки о снег, сдирая с них песок, оделся и пошагал к хутору, переживая свою глупость...

– А вот если бы стрельцы увидели меня в яме? – пришла к нему неожиданная мысль, и стало стыдно.

Стыдно ему раньше не бывало. Он такого не помнил. Это явно пришло вместе с именем, и он впервые обрадовался, что он теперь Федот, а не дурак...

Гнилые зародыши

На хутор Федот пришел уже в темноте. Сквозь крошечное окошечко, затянутое промасленным бычьим пузырем, пробивался слабый свет. От ворот при его приближении метнулась к избе какая-то тень и неуверенно тявкнула от двери дома. Собачонка.

Собак дурак не любил, собаки вечно его обижали. Почему-то собаки дураков не любят... Это он помнил.

Но что-то изменилось, он прямо ощутил, что эта его нелюбовь из памяти дурака, а сам он спокойно подошел к собачке, жмущейся к дверям, и присел перед ней на корточки. Собачка была белой масти и тощей, буквально испитой. Видимо, голодала тут с тех пор, как ушли хозяева... Она поглядела в глаза человеку и заискивающе вильнула хвостом, предлагая любовь в обмен на ласку.

Федот протянул руку, но дурак попытался руку отдернуть – собаки вечно кусались, когда он таскал их за хвосты. Федот все же возобладал и погладил собачку по голове, потрепал уши. Она лизнула его руку.

– Ты же, поди, есть хочешь? – догадался Федот, достал из-за пазухи забытый им хлеб и начал кормить собаку, отламывая по куску. Так они и съели весь ломоть пополам: кусок ей, кусок ему.

Доев, Федот спрятал тряпочку обратно за пазуху и пошел

в избу. Собачка осталась снаружи и провожала его преданным взглядом. В избу деревенские собаки не ходят.

В хорошо протопленной избе гуляла все веселая дурацкая братия, спорили, отчего бывает моровая язва. Спорили крепко, на Федота даже внимания не обратили. Похоже, ловкие дураки нашли даже чего-то выпить, потому что дух стоял в избе бражный. Федоту не предложили. Не дураки!

Один кричал, что чума идет по воздуху с такой вонью особой, как от мертвечины, в вони и все зло, вся смертная зараза! Другой спорил, что моровую язву можно видеть черной женщиной, которая тихо бродит между людей и старается поцеловать незаметно. Кого поцелует, тот и заболел! Смотреть только надо через зеркало!

– А тогда почему ее поветрием зовут?! – кричал первый. – Нет, чума по ветру летит вместе с вонью!

У каждого было на этот счет свое мнение, и не имело значения, чье мнение ближе к истине, значение имело только, чей кулак крепче. Мнения нельзя уточнять, достраивать, согласовывать. Они используются готовыми, а готовятся они не в котле действительности, мнениям до действительности дела нет, а в котле взаимоотношений с другими людьми, как особое оружие для споров. Мнение не может быть точнее, ближе к действительности, к истине, мнение может быть только крепче, звонче! И ломается мнение целиком – либо ты победил, либо надо искать другое мнение!

Поэтому дурацкая братия быстро истощала доводы и пе-

реходила на кулаки. Благо кулаки у дураков никогда не кончаются, и в отличие от мнений заживают. Остальные тут же занимали положение мирящих и растаскивали драчунов. Быть мирящим – это тоже мнение, только еще круче – мнение над мнениями. Поэтому бабы в доме всегда правы – драться они не умеют, а потому исходно присвоили себе право мирить. А кто мирит, для того все дерущиеся – дураки!

Пока собственное мнение не появится, конечно...

У Федота мнений отродясь не было, мнения у дураков, конечно, случаются, но только у тех, кто себя считает умным. Федот себя умным не считал, он вообще не считал, он знал, что дурак, и мнений не имел. Поэтому пошел искать еду.

Одну котомку еды умные дураки распотрошили и приели полностью за первый же день. Вторая стояла на лавке в уголке, в надежде, что дольше двух дней работать не придется. Федот молча достал из котомки каравай хлеба, спрятал за пазуху. Налил себе кипятку из котелка, развел в нем муки, посолил, сел в угол и стал хлебать жидкий хлеб. Дела до него никому не было.

Дурацкие мозги затейливые, поэтому, подравшись из-за того, как распространяется моровая язва, гулящие заспорили о том, как от нее спастись. Нашелся умник, который с пеной у рта доказывал, что единственное очищение – это огонь, и надо всю одежду прожаривать. Федот к этому прислушался и вспомнил, как гладили одежду горячими камнями в бане.

Но тут разговор повернул к тому, что и самому надо сквозь огонь прыгать и скотину сквозь него прогонять.

На это другой умник с хитрым прищуром задал вопрос:
– И как ты скотину в огонь-то загонишь?

И тут же принялся доказывать, что воздух надо разгонять, деревья по селам вырубать, чтобы воздух не задерживали, из пушек палить помогает. Кто-то тут же подхватил, что колокольным звоном хорошо воздух чистится.

Дошло до драки и по этому вопросу.

Разняли дерущихся и заспорили, уходит язва с Руси или еще нет. Один кричал, что уже с октября на спад пошла, и в Москве язвы нету, и в Суздале кончилась. А другой вдруг с пеной у рта стал на него нападать, крича:

– А я тебе скажу: из Шуи язва уже месяц как ушла!

– Я тебе говорю: в Суздале мор кончился! – орал на него первый.

– А ты откуда знаешь?! – кричал второй. – Вот я доподлинно знаю, из Шуи ушла, к нам в деревню человек вернулся из Шуи, сам видел! А ты откуда знаешь?

– Оттуль! Знаю и все! В Суздале язвы уж месяц как нет!

Видно, мнения эти были важны для спорящих, потому что обошлись не меньше, чем в пару выбитых зубов. Зубы, правду сказать, были гнилые и давно просились на вынос...

Федот взял тулупчик, прихватил заботливо свой топор, чтобы не украли, и полез на печь, нашел там какое-то тряпье, выложил себе постель возле дальней стены, укрылся, рассла-

бился и почувствовал, что устал. Все же помахал лопатой, как никогда. Разморило его быстро, но перед тем как уснуть, он с удивлением услышал, что вся компашка пришла вдруг к согласию.

Согласны они были в том, что он дурак, раз вызвался копать, и в том, что завтра надо будет пограбить пустые избы в деревне. Да так, чтобы стрельцы не видели, впопай! Но затем возник вопрос, складывать ли все в общую кучу, или каждый забирает то, что нашел, а потому надо всех обыскивать, когда вернуться... И началась новая драка...

Дурак спал хорошо, никогда не просыпался сам, да и добудиться его было трудно. Он даже снов не видел никогда, просто ему нравилось спать. Но в эту ночь Федот почувствовал во сне какую-то тревогу, вышел из глубокого сна в дрему и поймал себя на том, что находится на границе этого здорового дурацкого сна, который был ему хорошо знаком.

Лежа в дреме, он словно глядел в пространство сна, которое тянуло его, и понимал, что, если сейчас сделает одно легкое движение, сон тут же втянет его в себя, и все будет как прежде. А утром его разбудит визгливый голос младшей невестки, на худой конец – прилетит сапог.

– И это такое счастье! – вдруг понял дурак, но Федот больше не хотел дурацкого счастья. Федоту было тесно и душно в той могиле, которой он теперь ощущал дурака. Поэтому он неведомо как отодвинулся от колышущегося киселя дурац-

кого сна.

И тут же тревога стала сильнее. Он чуял, что к избе кто-то приближается, и скоро в нее войдет. Вот твякнула собачка и замолчала... Ужас стал сковывать тело Федота, но он пере-силлил себя, нащупал место, где на трубе возле щели между камнями выбился налет сажи, и будто предчувствуя, что бу-дут рассматривать лица, набрал сажи в ладонь и этой ладо-нью помазал лицо. Сам же нащупал свой топор и порадовал-ся, что прихватил его на печь.

На крыльце раздались осторожные шаги. Федот понял, что обуты идущие не в валенки, в сапоги с каблуками. Скрипнула дверь, и в избу вошли двое в черных плащах. Пе-редний щелкнул пальцами, и изба залилась легким голубым светом, так что стало видно, как спят вповалку, кто на лав-ках, а кто и прямо на полу, гулящие. Перед Федотом лежал на печи кто-то из них и громко храпел. Федот сжался позади него и подглядывал из-под опущенных век, на всякий случай дурачки раскрыв рот и пустив слюну, будто пьяный.

Парочка в темных плащах огляделась. Они сняли куколи, которые прикрывали их головы, и стало видно, что один из них мужчина, а другая женщина с прекрасными волосами. Но лица их были прикрыты черными личинами, от чего по телу Федота побежал холодный сивон.

– Э, да тут одни зародыши! – сказал мужчина, разгляды-вая спящих.

– И который из них наш? – спросила женщина.

– Задача... – ответил он и принялся рассматривать гуляющих одного за другим, поворачивая их к себе лицом, чтобы разглядеть, – Слушай, все гнилые...

– Вот это не повезло! И как его узнать? – снова спросила она. – Сколько точно времени, как он вернулся?

– Только-только... – ответил мужчина, накладывая ладонь на лицо попытавшемуся проснуться дураку. Дурак, было собравшийся приоткрыть глаза, тут же закрыл их снова и захрапел.

– Это как давно?

– Да вчера или позавчера...

– Как мы его узнаем на таком сроке? Он же еще пробуждаться не начал! – воскликнула она.

– Не узнаем – заразится. Вот тогда можем не спасти.

– А он мог как-то выбирать себе зародыш? Признаки какие-то могут быть?

– Не думаю... В какой втянуло, в таком и оказался.

И мужчина поднялся на голбец и заглянул в лицо сначала соседу, потому Федоту. Федот пустил побольше слюны и начал прихрапывать. Но рука его сжала топор под тулупом еще сильнее.

Мужчина покрутил его лицо рукой в перчатке, похмыкал и спустился вниз.

– Ничего пока не разглядеть! И не похож ни один! На таком сроке даже нет уверенности, что зародыш приживется!

– Так что нам?

– Будем надеяться, что у него хватит силы пойти своим путем. Какое-то чутье он за это время должен был развить...

– А справится? Гниль исправить можно?

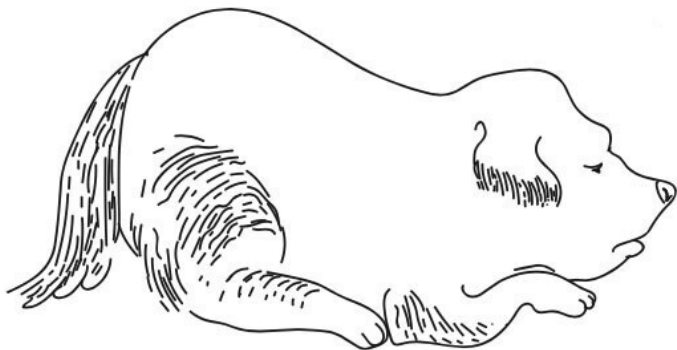
– Считается, что можно... Но я видел, как люди десятки лет бились, и даже пробудить не могли... Проще сразу уничтожить, чтобы в новое тело перенести.

– Ладно, – ответила женщина. – Тогда я немножко подсвечу ему дорожку...

Она достала из-под плаща крошечную круглую коробочку, приоткрыла крышку, взяла двумя пальцами щепотку белесого порошка и дунула на нее. Искрящаяся пыль облачком поднялась в воздух, рассеиваясь по всей избе. Гулящие, до которых доходила пыльца, начинали ворочаться и стонать.

Женщина подошла к печи, достала еще одну щепотку и дунула пылью на печь.

Сосед Федота тут же принялся чихать, а Федот на всякий случай застонал, хотя ничего и не почувствовал, будто на него эта пыльца не действовала.

Но что-то он все же почувствовал, по крайней мере, действие от нее точно было, потому что он не помнил, как ушли эти двое в темных плащах. Зато помнил, как оказался в чудесном сне, в котором увидел милое лицо, глаза, которые невозможно забыть... и точно знал, что этот сон повторяется не в первый раз!

И в этом сне он знал, что она где-то рядом, и надо только зацепиться за что-то, ухватиться и держаться, как бы трудно ни было, и не сбегать! Не сбегать! Какие бы испытания ни ждали впереди. И однажды судьба скрестит их дорожки!

На отшибе

Утром стрельцы подняли всю честную компанию и погна-ли в деревню убирать покойников. Старший стрелец спро-сил Федота:

– Вырыл ли сколь?

Федот поднял руку вверх на всю длину:

– Немного поглубже!

– Сейчас съезжу, посмотрю.

– Я там малость осыпал, надо бы почистить, – признался Федот. Хотел добавить, что сам себя зарыл, но постыдился своей глупости.

– Успеешь, они там полдня провозятся. Отдыхай пока.

И повернулся к ватаге:

– Эй, вы! Мертвых руками не трогайте, таскайте крюками.

У двух крюков ратовища обрубите покороче, чтобы в избы входить. Да ходите по двое, а то одному не вытащить. Мор-ды тряпицами замотайте, чтобы заразой не дышать. В избах ничего не трогайте.

При последних словах дурацкая ватага хитро перегляну-лась, так что стало ясно, что этот запрет они нарушат. Стре-лец это, конечно, понял, но только махнул рукой: трогайте!

Ватага с гиканьем умчалась в деревню в предвкушении безнаказанных грабежей, пятеро стрельцов с зараженными пищалями поехали следом, чтобы приглядывать. А старший

спросил Федота:

– Что, пойдём, что ли?

– Я бы хотел от этих съехать, – сказал Федот.

– А куда?

Федот показал на баньку в дальнем конце огорода поближе к ручью.

– Съезжай, конечно. Скучно не будет на отшибе? Без веселой гулянки?

– А я не один. Ко мне вон, собачка приبلудилась, – показал Федот на белую собачку, достал припрятанный с вечера каравай и отломил ей кусок.

Стрелец улыбнулся, кивнул:

– Как назвал свою приблуду?

– А я не называл...

– Так живая тварь, без имени негоже!

– Я сейчас печку там затоплю и догоню, – сказал Федот, задумавшись. – Чтобы к ночи тепло было... А как можно назвать?

– Я бы Белкой назвал... Тебе решать. Догоняй, – сказал старший и уехал вслед за стрельцами. – Я тебя возле околицы подожду.

Федот дал Белке еще кусок хлеба и пошел к бане. Но почувал, что в бане его поджидает опасность, и если он войдет в нее, будет плохо. Он поглядел на Белку, но собачка не лаяла и даже не ворчала. Людей или зверей в баньке не было.

Банька при этом была низенькая и покосившаяся, словно за ней давно уходу не было.

– Баенник! – вдруг пришло в голову Федоту, и он смутно вспомнил, что у них в бане тоже жил баенник, и про него говорили, что он, не доможирушко, он людей не любит и может насмерть уморить угаром, если его не уважить.

– Дедушка! – снял Федот шапку и поклонился двери в баню, – прими меня, дурака, пожить у тебя в гостях. Я тебе помогать буду, баньку поправлю, водички наношу... печечку протоплю...

Прислушался. Напряжение внутри бани изменилось, но не исчезло. Тут Федот заметил, как собачка смотрит на кусок хлеба, что он отломил от каравая, когда ее кормил, чтобы съесть самому, да так и забыл, и протянул ей. Собачка принялась есть. Федот посмотрел на нее, посмотрел, потом разломил каравай пополам, подошел к бане, зашел в предбанник и поискал место, куда бы хлеб пристроить.

Тут же пришла мысль, что в дальнем углу за бочкой для воды будет хорошо. Он положил хлеб за бочку и сказал:

– Дедушка! Прими половинку хлебца по-братски. Приюти на время нас с Белкой!

Напряжение заколыхалось и ушло. Федот еще раз поклонился:

– Вот, спасибо тебе, дедушка! Приютил.

После этого он взял дров прямо из поленницы, что была сложена в предбаннике по дальней стене, развел огонь в пе-

чи, открыл волоковое окошко, поскольку баня топилась по-черному. Затем сходил на ручей с двумя бадьями, что взял тут же в предбаннике, вылил воду в большую деревянную кадушку, стоявшую на скамье в бане, и пошел в огород, где заметил странный холмик.

Холмик, как он и ожидал, оказался вырытым в крутом берегу погребом. В погребе, правда, почти ничего не было, кроме забытого мешка репы и кадушки с квашеной капустой. Капусту кто-то почти полностью выгреб из кадушки, но рассола было до половины. Сверху он слегка покрылся ледком. Федот пробил ледок пальцем, потом лизнул его. Рассольчик был кислым, аж передергивало.

Федот прихватил мешок, обхватил кадушку двумя руками и уволок все это в баню. Мешок спрятал под полком, попросил баенника сторожить. Кадушку поставил на скамью рядом с кадушкой с водой. Прикрыл плотно обе двери – в баню и в предбанник – и пошагал на кладбище. И Белка помчалась вперед, счастливая, как собака, нашедшая свою стаю.

Старший стрелец ждал его вместе с остальными на околице. В деревню они не въезжали, но приглядывали за гулящими внимательно, чтобы те чего не натворили или не сбежали. Завидев Федота с Белкой, старший выехал на протоптанную вчера тропу и медленно поехал к кладбищу. Федот пустился вперед трусцой, догнал стрельца, ухватил за стремя и побегал рядом с лошадью.

Стрелец поглядел на него сверху и прибавил ходу. Федот тоже прибавил. Стрелец надал, и Федот надал. Ближе к кладбищу стрелец с рыси перешел на галоп, а Федот держался рядом, не отставая. Белка радостно помчалась вперед, недоумевая, за кем гонимся. К яме они подлетели хохоча.

Стрелец спешился, подошел к яме и присвистнул:

– Ну, ты, братец, даешь... Я ожидал яму, но чтобы такую!

– Прости, вот, обсыпал край. Забыл сразу лестницу сделать... – пробормотал Федот, пряча глаза. – Сейчас все поправлю...

Он достал топор из-за кушака, срубил елку, потолще руки, обрубил лишние ветки, а от самых толстых по бокам ствола оставил отростки как раз шириной в ступню. Срубил макушку и спустил елку в яму, так что конец на сажень торчал сверху. Подхватил одну из своих лопат и полез в яму выбрасывать песок. Спустился... и сообразил, что кидать-то песок некуда! Со стыда покраснел и полез наверх, переживая свою глупость.

Наверху, не глядя на стрельца, отгроб песок с одного края ямы, чтобы было куда кидать новый, спустился в яму и принялся махать лопатой. Стрелец стоял на краю и мотал головой в удивлении...

К тому времени, когда гулящие набрали первые сани трупов, подъехал батюшка в саночках. Присоединился к стрельцу, и они оба дивились на то, как ходят руки у дурака. Но

раздались крики дурацкой ватаги, и стрелец приказал:

– Все, хватит, вылазь!

– Да тут вот еще немного надо бы... – попытался возразить Федот.

– Вылазь, говорю, – прикрикнул стрелец. – Хватит.

Батюшка тоже закивал. Нетот вздохнул, выкинул лопату наружу и полез по своей лестнице наверх. Белка, крутившаяся вокруг ямы, тут же бросилась к нему и старалась лизнуть в лицо.

– Так, – сказал стрелец. – Собачка твоя может и подхватить заразу. Говорят, она с блохами идет... Иди сейчас домой. Завтра с утра придешь и присыпишь тех, что они навозят. Они следующих поверх положат, – повернулся к попу и пояснил. – Если не присыпать сейчас, потом не просыплем, а весной осядет земля и зараза наружу ползет...

Батюшка покивал и начал готовиться к отпеванию. Федот помялся рядом с ними, но стрелец помахал ему рукой, отгоняя прочь, и он пошел на хутор.

– Да не иди ты им навстречу! – окрикнул его стрелец, – Иди целиной!

И Федот пошел напрямки через заснеженное поле.

В бане было тепло, но он напился рассолу, развел еще огонь, положил в него все камни, какие хранились возле печи, и раскалил их чуть не до красна. Затем побросал в кадущку с водой. Вода зашипела, запарила и пошла пузырями.

Он вынул камни из горячей воды и снова положил в огонь. А в кадушку покидал репы.

Затем взял ковш и веник, зачерпнул в ковш рассола и принялся поливать им свое тело и растирать веником. Растершись, веник сжег, взял другой и им смыл с себя рассол и грязь, макая его в горячую воду.

Вымывшись, простирал исподнее белье в горячей воде, а затем просушил и прогладил горячими камнями, как учили его в деревне, чтобы ни один шов не оставался домом для блох и вшей. Покончив с бельем, поточил камнем свой топор и сбрил все волосы с головы. Зачем это делал, не понимал, но чувствовал, что это сделать надо...

Оделся в сухое, горячее белье, достал из кадушки разва- рившуюся репу, разломил, посолил пеплом вместо соли, позвал Белку. Хоть в русской деревне и не принято впускать собаку в дом, но баня – не дом, да и дураку закон не писан. Они поужинали вдвоем, кто хлебом, а кто репой, да еще уго- стили репкой дедушку баенника.

А потом заткнули волоковое окно и дружно, втроем зава- лились спать до утра на полке. Если баенник не захочет, ни- какой угар человека в бане не возьмет. И Федот понял, что собаки нужны для тепла, чтобы не замерзнуть в долгие, хо- лодные русские зимы, а баенники и домовые – для спокой- ствия. И было им на отшибе тепло и ладно без всякой ком- пании!

Я не виноват...

Наутро Федот встал рано, покормил остатками хлеба Белку и принялся чинить баню, как обещал. За этим занятием его застали стрельцы. С ними приехал сегодня десятник, который забирал дурака из дома. Старший стрелец позвал Федота, не слезая с коня. Федот подошел, снял шапку, поклонился.

При виде его бритой головы стрельцы засмеялись. Они уже признавали Федота, как своего, и потому принялись шутить:

– Чего-то это ты, Федот, удумал? Прямо как лысый месяц стал!

Федот недоуменно пожал плечами:

– Чего-то захотелось вот белье постирать и побриться...

Старший стрелец поглядел на десятника с выражением: «Я же говорил!» Десятник разглядывал Федота, шевеля бровями, раздумывая о чем-то. Старший, видимо, решил помочь и снова обратился к Федоту:

– А чего это ты делаешь?

– Баньку чиню.

– С чего бы? Тебе в ней от силы еще ночь ночевать.

– Обещал...

– Кому?

– Баеннику...

Стрельцы дружно заржали, старший опять посмотрел на десятника с вопросом. Десятник покосился на него, потом спросил Федота:

– А ты что не на кладбище, дурак?

– Щас эти уедут на промысел, я и пойду, засыплю вчерашних.

– Не сбежишь?

– Как сбежишь?! – удивился вопросу Федот. – Мне же велено засыпать, – показал он на старшего.

Стрельцы опять переглянулись, и десятник сказал:

– Много стрельцов от морового поветрия погибло. Государь велел новый прибор сделать из случайных людей, которые из самопалов палить охочие. В стрельцы хочешь?

– А я уже в стрельцах! Ты же меня сам записывал.

Стрельцы снова захохотали. Десятник нахмурился и объяснил:

– Ты еще не в стрельцах, ты в похоронной ватаге. Чтобы в стрельцы попасть, надо из пищали палить, и чтобы за тебя не меньше семи стрельцов поручилось. В стрельцы хочешь?

– А синь кафтан и красную шапку дадут?

Десятник кивнул.

– Тогда запиши меня в стрельцы!

– А кто за тебя поручится?

– Не знаю... за меня некому. Разве Белка, вот, да баенник...

– Я за него поручусь, – сказал старший стрелец. – И мои,

думаю, поручатся. Как вы, братцы?

Стрельцы помялись и неуверенно закивали:

– А что, пожалуй, службу тянуть будет! Безотказный! Бе-
гает хорошо! Силенка есть! Умишка бы побольше!

– Умишко служилому человеку лишку не надо! – обрезал
десятник. – От умишка одни беды! Если выстрела не боишь-
ся, я за тебя тоже поручусь. Дайте ему пищаль.

Один из казаков спешил, снял пищаль, перекинутую
ремнем через плечо, раздул фитиль, взвел курок, подсыпал
на полку пороха, протянул Федоту. Федот неуверенно про-
вел ладонью по бритой голове и поднял глаза на десятника:

– А чего я с этим делать буду?

– Покажи ему! – приказал десятник стрельцу.

Стрелец показал, как прижимать приклад пищали к пле-
чу, объяснил, что прижимать надо сильно, иначе ключицу
сломает отдачей, показал, как целиться. Ни мушки, ни при-
цела на пищали не было, целиться надо было прямо по ство-
лу. Меткость боя у пищалей была никудышная, стреляли по-
чти наугад, в направлении цели. Поэтому стрелец показал
Федоту столб в огороде, шагах в десяти:

– Вот попади в столб!

– Да ты не бойся, – подбодрил его старший стрелец, – не
попадешь и ладно, нам, главное, увидеть, не боишься ли ты
выстрела. Прицелишься, морду-то отвори, а то как бы ис-
крами глаза не выжгло.

Федот прицелился в столб, и вдруг почувствовал, что

внутри него словно зашевелились какие-то воспоминания, и что-то поднялось с самого дна и начало заполнять тело, будто меняя его. Он опустил пищаль и вздохнул, стрелы засмеялись, подбадривая. Явно ожидали, что после выстрела Федот от отдачи сядет на задницу. Старая стрелецкая шутка над новобранцами.

Федот снова прицелился и почувствовал, что ему даже неловко стрелять по такой близкой цели. Он будто знал, как это делать.

Он снова опустил пищаль и повернулся к десятнику.

– Что, дрейфишь? Стреляй давай!

– А можно мне вон по тому горшку выстрелить? – показал Федот на битый горшок, одетый на кол в дальнем конце плетня.

Все дружно заржали еще раз.

– Да ты, чё, парень! По тому горшку и стрелец-то не всякий попадет!

– А вот и проверим! – остановил смех десятник. – Посмотрим вашу огневую сноровку! С лошадей! Заряжай! Пали по готовности!

Стрелы спешили, отошли несколько от коней, приготовили пищали, воткнули бердыши, прицелились и выстрелили! Все заволокло густым дымом. Белка прыжком прижалась к ногам Федота.

Когда дым рассеялся, в плетне обнаружилось несколько перебитых жердей, на крыльцо с криками вывалилась с вы-

тарашенными глазами вся дурацкая заспанная ватага, которую тут же погнали обратно в избу, но горшок был на месте, словно насмеялся.

Федот повернулся к начальству и обнаружил, что те наблюдают за ним с легкой усмешкой:

– Ну, считай, испытание выдержал, – сказал десятник. – Шума и огня не боишься, а стрелять тебя научат.

– А можно мне тоже попробовать?

– Заряд только переводить.

– Очень хотся!

– Пробуй, бог с тобой! – махнул рукой десятник.

Один из стрельцов воткнул перед Федотом бердыш подтоком в снег. Но Федот только помотал отрицательно головой и приложил пищаль к плечу. Стрельцы опять засмеялись. Федот же направил пищаль в сторону горшка, зажмурил один глаз и словно бы ушел внутрь себя. Ощущение ружья возле плеча будило манящее и словно давно забытое чувство, сладостная истома разлилась от этого по его телу.

Он не спешил, просто позволял стволу слегка раскачиваться, и в какой-то миг почувствовал, что попадет. Нажал спусковой крючок, порох перед ним взорвался, несколько искр действительно куснули щеки, ружье сильно ударило в плечо, сильнее, чем ожидало тело, но не настолько, чтобы было больно. Федот вскинул ствол и поставил пищаль прикладом на землю возле ноги, сам нагнулся и погладил собаку, чтобы не боялась.

Дым рассеялся, и наступила тишина. От горшка и след простыл. Он попал! И этого не ожидал никто!

– Да не может быть! – воскликнул один из стрельцов.

– Повезло! – загудели другие.

– А еще так сможешь? – спросил десятник.

Федот пожал плечами:

– Не знаю... я не виноват...

Вид у него был такой растерянный, что стрельцы снова засмеялись, и это как-то разрядило обстановку.

– А со шпагой управляться сможешь? – спросил десятник.

– А что это? – все так же растерянно спросил Федот.

– Ну, вон, у стремянных сабли. С коня саблей рубить удобней. А у пеших стрельцов шпаги. Как думаешь, со шпагой сможешь?

– Не-а, я лучше топором...

Это вызвало такой смех, что обстановка совсем разрядилась, и Федоту простили его меткий выстрел.

– Так что, братцы, – спросил десятник, – поручимся за новичка?

– Чего ж, поручимся! – ответили стрелцы веселее и принялись хлопать Федота по спине и плечам.

Он только побрякивал и поеживался. Кулаки у стрельцов
были тяжелым

Черная охота

Стрельцы позволили Федоту вернуться к его починке, а сами погнали похоронную ватагу в деревню, явно сторонясь их и стараясь не прикасаться. В санях обнаружили под сеном какие-то одежды.

– Наворовали, бесы! – выругался один из стрельцов, вороша сено кончиком бердыша.

– Ты чё! Ты чё! – это наше, закричал один из гулящих, разевая беззубый рот. – Это мы с собой привезли!

– Сказано же вам, дуракам, не брать ничего по домам! – выругался стрелец и махнул рукой. – Вперед, погнали!

– Гоним, гоним уже! – огрызались гулящие, но вид у них был сегодня странным, и даже издали было видно, что они, что называется, очумелые какие-то...

Тем не менее, сани с дураками укатили к деревне, стрельцы, сторонясь, поехали следом. Федот добил свою починку, заткнул топор за пояс и пошагал на кладбище. Белка бежала рядом. По дороге обогнал его в своих саночках батюшка, и было видно, как от околицы отделились от кучки стрельцов десятник и старший стрелец, и поехали вместе с ним в сторону кладбища.

Пока Федот шел к стрельцам, в деревне началось что-то невообразимое. Раздался вой и визг, заметались какие-то существа, затем взревела некоровьим голосом невесть откуда

взявшаяся корова и помчалась по деревне в сторону стрельцов. За ней гнались собаки и свиньи, а за ними лошадь с санями, в которых кто-то кричал и размахивал руками.

Стрельцы от околицы дружно отступили в сторону ручья, уступая всему этому поезду дорогу, и замахали Федоту, чтобы он бежал. Федот встал, словно вскопанный, глядя на приближающееся. Мир потемнел перед ним, и во мраке стали видны голубые проблески, словно в самой гуще тьмы светилось что-то синим светом. Что-то отдаленно знакомое...

Вылетев за околицу, худющая, как смерть, корова повернула на протоптанную дорожку к кладбищу и помчалась вперед, волоча впившуюся ей в заднюю ногу тощую свинью. Остальные свиньи и собаки с воем и визгами преследовали ее. За ними, едва не опрокинувшись на повороте, пролетели сани, набитые всеми похоронными дураками. А посреди них стояла в санях во весь рост огромная женщина в черном...

– Черная охота! – мелькнули в голове Федота незнакомые ему слова, но он даже не смог этому удивиться, так заворожило его это зрелище.

Черная женщина размахивала сверкающим клинком, сделанным словно из луча лунного света. Пролетая мимо Федота, она закричала что-то пронзительное и показала клинком вперед. В тот же миг Белка вдруг сорвалась с места и с лаем бросилась следом за охотой, будто увлеченная общим порывом или призывом женщины в черном балахоне.

– Стой, Белка, куда?! – закричал Федот и бросился сле-

дом, чтобы перехватить ее.

И так оказался вовлечен в общее движение, которое обладало чудовищной силой, противиться которой никто, захваченный дикой охотой, не в силах.

Белка бежала с лаем, но догнать сани не могла, Федот мчался следом и кричал: «Стой! Стой!» – но догнать тоже не мог, и не мог остановиться.

Так промчались они мимо попа и стрельцов, быстро свернувших с дорожки на целину, и полетели к опушке. А там корова с разбегу ухнула в могильник, вырытый Федотом, за ней свиньи и собаки, и туда же улетели сани со всей веселой компанией.

Одна Белка сумела удержаться на краю, и когда подбежал Федот, лаяла на песчаный бугор, который он накидал.

На куче стояла величественная женщина, облаченная в мрак, который клубился вокруг нее. Лицо ее было прекрасно и отдавало тем ночным синеватым светом, который разливается вокруг луны в безоблачные ночи. Хоровод молочного цвета огоньков плыл вокруг нее, словно шлейф или вуаль...

Она улыбалась Федоту, как если бы была рада его видеть, и взгляд ее был полон такой мудрости, что он понял: это богиня, и преклонил перед ней колена, склонив голову. Она не сказала ни слова, только поманила его пальцем. Он поднялся.

– Кажется, ты забыл кое-что из своих вещей... – улыбнулась она почти незаметной, но чарующей улыбкой, и Федот

понял, что слышит ее слова в голове, хотя она ничего не произносит. – Негоже витязю терять такие подарки. . .

И она подняла ладонь ко рту и дунула на нее. От ладони отделилась искорка и поплыла по воздуху в его сторону. Он протянул руку, и на его ладонь легло крошечное серебряное колечко.

Федот усомнился, что оно влезет на его палец, но колечко раздалось и легко наделось, словно всегда тут было. И тут же часть то ли памяти, то ли сознания вернулась к нему, так что он начал видеть, что богиня вовсе не одета в черный плащ, а на самом деле за ней стоит черный великан, обнимающий ее полами своего плаща из сумрака. Стоит и улыбается ему, кривя губы. . .

А в следующий миг ужасная и прекрасная парочка стала меркнуть и исчезла, словно растворилась в воздухе. И тут же мир наполнился светом и звуками.

– Стой! Стой! – донеслись до Федота крики стрельцов. Он обернулся и увидел, что старшие стрельцы скачут к могильнику, за ними едет батюшка. А от деревни галопом мчится стрелецкий разъезд. Белка, скуля, словно опомнившись от наваждения, прижалась к его ногам.

Он поднял лопату, подошел к краю ямы и посмотрел внутрь, да так и замер, опершись на нее.

Лошадь, похоже, сломала себе при падении шею, потому что лежала недвижно. Корова как-то дергалась под санями, но движения ее становились все слабее. Собак, видимо, тоже

всех пришибло санями и попадавшими во все стороны гуляющими. Свиньи, как ни в чем ни бывало, рвали мертвечину.

Гулящие же были еще живы, но словно пришиблены. Они лежали, разбросанные по яме с явно сломанными ногами и руками, не в силах шевелиться, и глядели на Федота. Лица их почернели, по коже шли нарывы, глаза были красными и воспаленными... Из глаз этих тихо катились слезы, из черных провалов ртов доносились тихие стоны...

– Вот, значит, как чума выглядит, – подумал Федот.

Тут подсказали стрелецкий десятник и старший стрелец. Спешились, подбежали к Федоту и тоже замерли на краю могильника. Подъехал батюшка, подошел и принялся отчитывать всех, размахивая крестом, хотя они еще были живы. Подъехали стрельцы, спешились, подошли, сняли с голов шапки и встали молча.

Кто-то подтолкнул Федота в локоть, и он тоже снял шапку.

Прощались. Глупы были людишки, подлы и вороваты, но все же люди и заслуживали хотя бы человеческих проводов.

Один Федот знал, что это еще не люди, только зародыши, но что это значит, не понимал, и потому у него тоже наворачивались слезы...

Стрельцы

Стрельцы дождались, когда погибшие перестали подавать признаки жизни и, перекрестившись, сами принялись заваливать яму приготовленными Федотом лопатами. Благо их было в достатке. Федот взял свою, истертую песком, раздвинул двух стрельцов, встал с ними в ряд и тоже принялся бросать песок. Закончив, стрельцы лопаты повтыкали крестами в холмик, еще раз перекрестились, вскочили на коней и ускакали к заставе.

Старший стрелец дождался, пока поп отчитал над могилой молитву, и показал Федоту на саночки. Батюшка уселся на скамеечку боком и кивнул Федоту, приглашая. Саночки были для двоих мужчин маловаты, батюшка хмыкнул, отодвигая Федотов локоть, достал из узелка, лежащего под пологом, которым он прикрывал ноги, краюху хлеба и яйцо вареное вкрутую и отдал Федоту.

Тряхнул вожжами, лошадка послушно потрусилась, и саночки покатали вслед за стрельцами. Белка бежала рядом.

На заставе было оживленно. Стрельцы привезли с десятков человек по прибору. Это были другие люди, не те, что в похоронной ватаге, тоже из гулящих, но лихие. В отличие от дураков, это были люди тертые, крученые и ломаные, с настороженными глазами. Они не кричали, не смеялись, переговаривались негромко, озирались и приглядывались, пока-

зывая, что им палец в рот не клади.

Один из стрельцов подошел и негромко сказал старшему, усмехаясь недоброй улыбкой:

– Глянь, кого привезли. Из лихих набрали. Тати дорожные, да разбойники... Клейма ставить негде. Надеются в царевом войске от наказания спрятаться...

Старший покивал, разглядывая лихих и сказал Федоту:

– Давай к этим. Сейчас десятнику доложу и проверять пойдем.

Федот пошел к лихим, толпившимся посреди двора, а стрелец ушел в избу десятника. Лихие на Федота покосились, но ни интереса, ни доброжелательности не проявили, даже слегка отстранились. Между собой они будто были знакомы, Федота же не знали и не хотели знать. Вопросов не задавали.

Федот от этого не расстроился, отошел к крыльцу, сел на ступеньку, и они с Белкой принялись за батюшкин подарок. Белка уже не сомневалась, что голодной не останется, и потому относилась ко всем приготовлениям Федота с полным сочувствием.

Но как только он разбил скорлупу и принялся чистить яйцо, воробьи, копошившиеся в замерзшем конском навозе, вдруг начали собираться вокруг них, так что Белке пришлось даже залезть повыше, на ступеньку рядом с Федотом, откуда они оба с удивлением рассматривали воробьев.

Федот начал делить еду на троих. Яйцо и хлеб – пополам

с Белкой, крошки и мелко растертую скорлупу – воробьям. Вообще-то, Федот воробьев по деревенской привычке не любил. Ласточек любил, а воробьев считал ворами, хуже мышей, а вора – бей! Воробьи его, похоже, тоже не любили, насколько он мог помнить...

Но, видать, на стрелецком подворье воробьи были особые, прикормленные, поэтому они после крошек принялись виться прямо над краюхой, которую Федот держал в руке, а когда он ее приподнял, парочка самых смелых села на хлеб и принялась его клевать. Другие стали садиться ему на руки, один сел Белке на нос, от чего она явно обалдела и начала приоткрывать пасть, но Федот приподнял палец, и она замерла с открытой пастью, глядя на маленькое чудо на своем длинном носу.

Даже лихие и ходившие по двору стрельцы повернулись в сторону Федота, наблюдая это зрелище...

Позади приоткрылась дверь, десятник, батюшка и старший стрелец собирались выйти на крыльцо, но замерли в дверях, дивясь происходящему. Дверь скрипнула, воробьи вспорхнули, Федот вскочил, пряча остатки хлеба за пазуху, сорвал шапку и поклонился десятнику.

– Дураки – это божьи люди, – тихо шепнул батюшка.

Десятник покачал головой и показал Федоту на ликих:

– Иди строиться с новобранцами.

– Ага, – ответил Федот и пошел в толпу.

Десятник оперся на перила крыльца и громко сказал:

– Так! Стало быть, вы все по прибору можете стать государевыми стрельцами полка стрелецкого головы Матвеева. Окладу вам положат шесть рублей в год. Еще ржи и пшеницы выдавать будут. Дадут пять рублей на поселение, чтобы избу поставить себе смогли. Одежа будет выдаваться. Два раза в год получите хороших тканей на кафтаны.

Лихие переглядывались и довольно кивали. Один Федот ничего не понимал, кроме того, что кафтаны будут шить из ткани.

– Синих? – спросил он.

– В полку нашем парадная одежда – светло-зеленый кафтан или ферязь, – ответил десятник.

– А мне обещали синь кафтан и красную шапку... – обиженно проговорил Федот, чувствуя себя глубоко обманутым.

Стрельцы, а за ними и лихие засмеялись. Десятник недоуменно посмотрел на Федота, что-то сообразил и добавил:

– Кафтан светло-зеленый, шапка алая! Чем тебе зеленый кафтан хуже?

– Алая? – откликнулся Федот. – Ну, пусть тогда будет зеленым!

Все опять загоготали. Десятник снова повернулся к лихим.

– Чего ржете, рожи разбойные? Моя бы воля, я бы вас на версту к государеву делу не подпустил, да времена лихие, народу много померло, убыль в стрельцах большая. Война к тому же... Не думайте, что любой прохвост в стрельцы по-

падет на государевы хлеба. Сначала испытывать будем, потому вам наше ручательство заслужить придется! У стрельцов, как у разбойников, порука круговая!

На это лихие закивали с пониманием.

– Кругом! На стрельбище!

Стрельцы выстроились и пошагали на зады за избу, где был большой огород, обнесенный плетнем. Лихие потянулись следом, пошагал и Федот. Белка словно почуяла важность происходящего и шла ровно рядом с ногой Федота, косясь на стрельцов с пищалями. Видно, догадывалась, что сейчас будет происходить.

В огороде было поставлена жердь под пищали, чтобы было на что положить тяжелый ствол, до дальнего плетня было шагов шестьдесят-семьдесят. Колья все были побиты пулями, на некоторых висели горшки. Посередине на столбе торчала громадная черная корчага, обмотанная лентами бересты. В огороде высились несколько столбиков с мешками, набитыми соломой. В мешках зияли большие дыры, видно, стрельцы упражнялись в стрельбе, пока несли караул.

Лихих выстроили перед жердью, Федот с Белкой оказались крайними.

– Будете стрелять! – объявил десятник. – Кто стрелял из самопалов?

Трое подняли руки.

– А ты? – повернулся десятник к Федоту.

Федот отрицательно помотал головой. Десятник вопросительно посмотрел на старшего стрельца.

– Ты же стрелял! – крикнул стрелец.

– Я из самопала не стрелял, – замотал головой Федот. – Я вот из этого стрелял, – показал он на пищаль.

Все засмеялись.

– А пищаль не самопал! – буркнул десятник и повернулся к лихим. – Кто в ту корчагу попадет, – без испытаний зачислим! Зачислим, братцы? – повернулся он к стрельцам.

Те засмеялись:

– Зачислим! Либо стрелять умеет, либо удача у него большая! Пусть попадут!

– Ну, кто первым палить будет? – спросил десятник. – Первая проверка на страх.

Лихие при виде пищалей с дымящимися фитилями вдруг сникли, потеряли лихой вид и крутизну, и превратились в обычных новобранцев, тихо жмущихся перед бревном и будто прячущихся друг за дружку.

– Ну, я могу, – вызвался Федот.

– Не, ты погоди, – остановил его десятник. – Мы тебя в конце проверим, что там про тебя сказывают...

Поскольку добровольцев не оказалось, десятник велел дать заряженные ружья троим, раньше стрелявшим.

– Стрелять по моему приказу. Слушаться меня крепко! Не то пожалеете! Делать, что скажу. К плечу прижимай. На жердь клади. Целься. Выцелили? Морду вороти! Пали!

Три пищали грохнули в единый залп с искрами и клубами дыма. По всей деревне с криками взвилось воронье. Все трое стрелявших улетели на снег, вместе с ними со страху упало еще двое. Один из стрелявших кое-как встал, потирая плечо, отдал пищаль стрельцу. Другой, сидя на снегу, стонал, прижимая руку к ключице. Третий катался по снегу, держась за глаз.

– Я же говорил, морду вороти, твою мать! – выругался десятник.

Один из стрельцов наклонился над раненым, отнял руку от глаза, посмотрел и отрицательно помотал головой.

– Уроды! – Снова выругался десятник. – Тащите этих в избу! Найдите им бабку какую-нибудь, я ради них лекаря из Суздаля вызывать не буду. Этых – он показал на струсивших, все еще сидевших на корточках, – взашей! В стрельцах трусам не место! Ты еще не передумал? – спросил он того, что поднялся сам.

– Не-а, – ответил тот.

– Ладно. Молодец! Кто еще уйти хочет?

Двое из бывших лихих вышли из кучки новобранцев и побрели прочь со двора. Оставшимся троим снова дали заряженные пищали.

– Ну, похоже, выстрела вы не боитесь, это главное, теперь проверим, можете ли вы в бою приказы слышать! – засмеялся десятник. – На меткость мы вас не проверяем, главное, чтобы вы не стрелками, а воинами были! После этих, – он по-

казал на раненых, – вы меня быстро понимать станете! Урок наглядный был, как старшего не слушаться?

Новобранцы замотали головами, даже заулыбались:

– Да уж, урок! Говори, что делать.

– Смотри: пищаль к плечу прижимать крепко. Чем крепче сам прижмешь, тем мягче она тебя ударит. Иначе эта капризная девушка либо ключицу сломает, либо плечо разобьет! Ноги расставить, как если девка к тебе на руки с разбегу прыгнула, а то не устоишь! Ствол положи на бревно, с гордостью клади, таких стволов, как у стрельцов, у мужиков не бывает! Потому на нас все девки глядят, когда мы по городу идем! Прицелившись, держи прицел, не сбивай. Морду отвори. Иначе искра глаз выжжет... ну, вы видели... Понятно? Услышал: пали! – жми на крюк ласково, не дергай. Дернешь, прицел собьется. Готовы?

Новобранцы кивнули.

– К плечу. На бревно. В корчагу цельсь! Морды вороти! Пали!

И в этот раз двое из стрелявших сели на задницы. У одного занялась борода, и он принялся сам себя лупить ладонями по лицу под смех стрельцов.

– Ну, кто попал?

Стрельцы, которым дым не заслонял обзор, помотали головами.

– А попасть-то можно? – спросил один из стрелявших, возвращая пищаль.

– А вот посмотрим, – ответил десятник и повернулся к Федоту.

– Федот!

– А?

– Чего, а?! Как отвечать полагается?

– Как?

– А как я тебя учил?

– А-а...

– А-а... – передразнил десятник. – Федот!

– А? Ой! Я!

Все захохотали.

– То-то, – рявкнул десятник. – Бери пищаль. Стреляй!

– Куда?

– Твоей матери! Ну, не в нас же! В корчагу стреляй!

– Они у себя в деревне с печи-то метко стреляют, – захохотал один из стрельцов. – Метят в пятку, попадают в нос!

Все заржали.

Федот шутки не понял, взял протянутую ему пищаль с дымящимся фитилем во взведенном курке, прикинул ее к руке, продул порох на полке, приложил к плечу, держа на весу.

– Ты ствол-то на бревно положи! – посоветовал ему кто-то из стрельцов.

Федот помотал отрицательно головой:

– Ничё... я так...

Прицелился в корчагу, отвернулся и начал ждать ощущения, что попадет, чувствуя, что ствол раскачивается. Ощу-

щение пришло, он выстрелил и тут же поискал глазами свою собаку. Белка спокойно сидела рядом и смотрела ему в глаза. Он улыбнулся, потрепал ее по голове: боевая собачка оказалась!

Дым еще не рассеялся, но стрельцы, стоявшие подальше, зашумели:

– Попал! Слышь, попал! Попал ведь!

– А мы вам что говорили! – закричали стрельцы, сопровождавшие похоронную ватагу. – Мы говорили, попадает, чертяка!

– Повезло, однако, – кивнул десятник.

– Может, и повезло, – развел руками старший стрелец, – однако попадает! Каков!

Его пятерка кивала, словно Федот был уже одним из них и не посрамил.

– А в горшок попадешь? – спросил десятник.

Тут даже стрельцы загудели с сомнением: виданное ли дело из пищали с такого расстояния в горшок попасть!

Но Федот попал и в горшок.

– А вон в ту кубышечку, что с краю висит? – завелся десятник, показывая на маленькую кубышку немного больше Федотова кулака в дальнем конце плетня. Федот пожал плечами и потянулся за пищалью. Но тут батюшка подал голос:

– Остановись, – сказал он десятнику, – Не дай бог, попадет... человеку не под силу такое! Нам что с ним тогда делать? В железа забивать и к патриарху на допрос отправлять?

Десятник задумался, помотал головой, кивнул. Поглядел на Федота, который снова гладил собаку, повернулся к стрельцам:

– Ручаетесь за парня, братцы?

Все стрельцы, даже те, что не сопровождали похоронную ватагу, закивали.

– Ну, тогда к полуголове в Суздаль поедем. Там себя покажешь, – сказал десятник Федоту.

Федот пожал плечами:

– Только я не найду...

– Полуголову?

– Не-а, Суздаль...

Наступила тишина, потом стрельцы и новобранцы взорвались хохотом:

– Ну, дурак, дает!

– Это ничего, – сказал десятник, вытирая слезу, – я с тобой поеду, небось не заплутаемся на прямой-то дороге. Тут всего десяток верст!

Молодецкие забавы

Федота покормили, определили место постоя в избе для новобранцев. Похоронный балахон отобрали и выдали вместо него старый черный кафтан, чтобы надевал поверх тулупчика.

– Так обещали светло-зеленый, – обиженно сказал Федот, разглядывая кафтан.

– Зеленый полагается, когда в стрельцы запишут. А ты пока еще на испытании. Да и когда запишут, должно быть обычное платье. Не в праздничном же тебе работать?

– Действительно, не в праздничном же работать! – подумал Федот и успокоился.

– Этот тебе, чтобы в глазах полусотника деревней не выглядел, он у нас из боярских детей!

И выдали еще старые кожаные сапоги взамен валенок, также длинную полосу домопрядины, чтобы подпоясаться, и ношеную стрелецкую шапку, серую, но с меховой опушкой. Вид у Федота стал молодецкий!

– Ты прямо удалец у нас, Федот! – вскричал десятник. – Так тебя полусотнику удальцом и представим.

Набившиеся в избу десятника стрельцы дружно закивали, засмеялись, нахваливая Федота и обещая, что все девки на него будут заглядываться. Это Федота озадачило: выглядеть удальцом он хотел, а вот в отношении девок что-то было не

так. Не влекли его девки...

– А ты, кроме как стрелять, еще чего-то можешь?

– Могу дрова рубить, – ответил он.

– И еще может могилы копать! – засмеялся кто-то из стрельцов. Но остальные сразу помрачнели, вспоминая кладбище, и смех скис.

– Воду могу носить, – продолжил Федот и добавил, подумав, – С рыбой...

– В смысле, с рыбой?

– Рыбу ловлю в проруби...

– Так ты, может, и охотник?

– Не знаю... не помню...

– Так ты и про стрельбу не помнил! А сражаться ты умеешь?

– Не-а! Я только с клопами сражался.

После этих слов напряжение, было навалившееся на всех, спало, и стрельцы снова принялись смеяться.

– Так ты, что, и не боролся никогда? И на палках не дрался?

– Вроде, дрался. У нас в деревне точно дрались. Я боялся...

– Ты драться боишься? А как же ты в стрельцы пошел? Тут трусам не место!

– Я зашибить боюсь...

Между тем пара стрельцов уже скинула кафтаны и в одних рубахах принялись бороться посреди избы. Остальные

тут же раздвинули круг и начали подзадоривать борцов, придерживая их, чтобы не ударились об какие углы. Как только первая пара выдохлась, выскочила вторая, потом третья. В общем, обычные молодецкие забавы, какими живет русский мужик.

В конце концов заставили бороться Федота. Он снял кафтан вместе с тулупчиком, вышел неуклюже на середину избы, разглядывая свои руки с удивлением, словно впервые сам видел. Чего ими делать, он явно не знал.

– Побережнее с ним, – крикнули его противнику. – Явно не борец, не поломай парня!

– Я легонько! – ухмылялся противник, подхватывая Федота под руку, чтобы зайти за спину, одновременно норовя подсечь его под ногу.

Что делал стрелец, Федот не понял, приемов борцовских он явно не знал, но он словно предвидел, чем закончатся движения противника, и это ему не понравилось. Поэтому он чуточку отступил. Стрелец как раз в этот миг нанес подсечку, пролетел ногою мимо ноги Федота и от неожиданности сел на задницу. Зрители сначала стихли, потом кто-то ядовито-доброжелательно полюбопытствовал:

– Утомился, Филь?

Все дружно грохнули.

– Поскользнулся, – огрызнулся Филя, мгновенно вскочил на ноги и снова бросился на Федота, теперь уже с намерением отыграться.

Федот не мешал ему брать захваты, заходить за спину, подныривать в ноги. Но каждый раз, когда бросок должен был состояться, он чувствовал опасность и просто выходил из захвата, так что противник падал. Стрельцы снова принимались советовать товарищу:

– Филь, да ты не вставай, отдохни! День трудный был! Все бока до устали отлежал!

Наконец Филя не выдержал и огрызнулся:

– Иди сам попробуй! Смеяться-то все горазды.

– И чего? И пойду! – ответил другой стрелец и скинул кафтан.

Филя с сердитым лицом отошел в сторону и сел за стол к десятнику, делая вид, что ему не интересно смотреть. Но как только второй борец шлепнулся на пол, тут же повернулся и начал давать ядовитые советы товарищу. И второй соперник выдохся, да еще и отшиб локоть о пол. Тут выскочил попробовать себя третий. И опять с тем же успехом. На четвертом, когда стало ясно, что Федота взять непросто, Филя расслабился, лицо его повеселело, и он перестал злиться. Теперь противники уже не шли побороть Федота, они выходили проверить, правда ли все так, как это было у предыдущих. И радовались, когда падали.

Федот же не мог понять, чего они смеются, да и что происходит, тоже не понимал. Он просто не хотел падать и отступал ровно настолько, чтобы не упасть. Он даже не пытался ронять противников, он их поддерживал.

Тут встал десятник и сказал:

– Чего-то странное у вас происходит. Федот!

– А! Ой, я! – откликнулся Федот и вытянулся перед десятником.

– Ты точно бороться не умеешь?

– Я не знаю.

– А тебя учил кто-нибудь?

– Не-а. Этого не было.

– А ты много боролся?

– Не-а. Я не люблю.

– Почему?

– Я ленюсь...

Все дружно захохотали.

– Точно, – подхватил Филя, – так он и со мной ленился.

Он не борется, он от борьбы уходит!

– Ну-ка, дай я посмотрю, – сказал десятник, скинул кафтан и попробовал побороться с Федотом. Но поскольку только проверял, то не упал, смог удержаться на ногах, когда тот вышел из захвата. – Верно, ленился! Вот хитрец! А ну-ка, ребята, а зажмите его вдвоем с разных сторон, чтобы ему сбегать было некуда!

Тут же двое охочих борцов выскочили на середину и попытались схватить Федота за руки с двух сторон. Но он и от них легко ушел, когда один попытался обхватить его под колена.

– Так-так! – сказал десятник. – А зажмите вчетвером, что-

бы уходить было некуда!

Четыре человека попытались зажать Федота в коробочку и не выпускать из нее. При этом кто старался выбить ногу подсечкой, кто обхватывал своей ногой, чтобы оторвать его ногу от пола, а кто-то в это время ломил через подножку. Федот почувствовал, что отступать некуда, и на мгновение ощутил растерянность. Но в тот же миг что-то произошло внутри него, и он перестал видеть ноги и руки – слишком много их было, чтобы глаза за ними успевали. Он словно стал видеть, как на него давит сила, и это ощущение, похоже, было ему давно знакомо.

Ноги противников были самыми опасными, они пересекали его тело, словно палки или жерди – длинные и твердые. Но как только он перестал видеть ноги, стало видно, что нога длинная, а вот сила из нее давит только в одном месте. Сила не была во всей ноге, сила давила из ноги словно рожон или жало. Он обогнул своей ногой такой рожон, торчащий из ноги, которая ставила подножку, и нога эта словно стала пустой, бессильной и перестала давить. Так же, слегка вильнув ногами, он стек с давления всех ног противников.

А когда хотел что-то сделать с их руками, вдруг увидел, что, потеряв силу в ногах, борцы потеряли силу и в руках. И теперь цеплялись за него, чтобы не упасть, вместо того, чтобы валить его. Это даже не подивило Федота, он просто глядел в это новое пространство, открывшееся ему, и ему хотелось глядеть туда и глядеть. В какой-то миг до него дошло,

что противники потеряли собственные опоры и опираются на него.

Он встряхнул борцов, вернув их на опоры, и начал понемножку ходить вместе с ними, когда они искали, как его уронить. Он давал им зацепиться за себя теми рожнами силы, что видел при их действиях, давал почувствовать, что сейчас прием получится, и мягко обтекал силу, проваливая противника в пустоту. Падать, правда, не давал, поддерживал, так что стрелы словно промахивались мимо него раз за разом, но не бились. И им это начало нравиться.

Постепенно они все втянулись в это странное исследование. Борцы искали, как же можно ухватить это странное существо, за которое держались, а Федот пытался поймать и понять себя самого, играющего с силой противников. И каждый раз, когда кто-то из борцов придумывал способ похитрее, а тело Федота уходило от него, это так его радовало, словно он узнал себя с неожиданной стороны.

Так боролись они целый вечер. Борцы менялись, выходили новые, и вчетвером, и вшестером, и даже пытались всем десятком, но только мешали сами себе. Но тут Федот придумал новую игру:

– А что братцы, я вот лягу на живот, а вы все сразу на меня навалитесь, смогу ли я подняться?

Попробовали. Сначала Федот пробовал просто встать, но десять стрелцов – это большая сила! И телом с ними не совладать! Это слегка напугало Федота, но он постарался сно-

ва начать видеть силу. И сразу увидел, что два десятка рук давят на него такими же жалами силы, как давили ноги, а между ними – пустота!

И он попытался протечь между жалами, понемножку изгибая тело. И тело его вдруг стало гибким и потекло между остриями силы, так что он спокойно поднялся промеж рук стрельцов, словно прошел сквозь молодые деревца, густо поднявшиеся на опушке леса. Ему даже показалось, что он так всегда ходил по лесу, когда охотился, скользя между деревьями...

От этого воспоминания он замер, вглядываясь в какую-то даль, но тут стрельцы загоготали, крича про молодецкие забавы, и образ растворился, а на его место пришла довольная улыбка. Он словно немножко выздоровел после болезни и стал живее, а мир чуточку ярче.

Кривые

Боролись допоздна, потом сидели за столом, пили и ели. И если кто не знает, то по русским мужским обычаям совместное пиршество или даже хлеб, который преломили, может означать побратимство. Федот, правду сказать, побратимом себя не чувствовал, но то, что стрельцы его приняли, почувствовал даже он. Однако спать он отправился в избу новобранцев.

Лихие сидели за столом и играли в карты «В королей», что потом стали называть «Дураком» и даже «Подкидным дураком». Когда Федот открыл дверь, они быстро накрыли карты тряпичей – по «Соборному уложению» царя Алексея Михайловича за карты могли и руку отрубить.

Но увидели Федота, успокоились, попереглядывались и решили продолжить. Сами они оправились после стрельб, растерянность и испуг ушли, и они снова выглядели тертыми и кручеными, как ничего и не было. Таким ночью на узкой дорожке не попадайся, даже если они на государевой службе.

Как в человеке можно видеть эту крученость и перекрученность, объяснить невозможно, но видно ее отчетливо, и раз разглядев, уже не видишь в нем ничего другого, только это, будто оно стало его лицом или особым инструментом, которым человек вскрывает других людей, как сундуки с деньгами.

Как Федот боролся, они не видели, стрельцы их в избу десятника не пустили, отправили сразу в избу для новобранцев. За вечер они обжились, поели, попили, столковались и сблизились. На Федота поглядывали настороженно, и словно прощупывая.

Когда Федот подходил к ним первый раз, на дворе перед стрельбами, он у них любопытства не вызывал, они просто его сторонились, как чужих ушей. Теперь положение дел изменилось, теперь Федот оказался ближе к стрельцам, чем ожидали лихие, и они не понимали, как с ним держаться.

Федот, однако, на них внимания не обращал, а выглядел дурак дураком. Что это за странные бумажки у них на столе, он не понимал и просто начал устраиваться на ночевку. На печку в этот раз он забираться не стал и решил лечь на лавке у стены. Последнее время тепло перестало его манить.

Лихие переглянулись, моргнули друг другу, и один спросил:

– Браток, в картишки не желаешь перекинуться?

– А чего это? – спросил Федот, зевая.

– Ты про карты? Ты не знаешь, что такое карты?

Лихие захохотали, стараясь звучать пообиднее. Но Федота это не тронуло.

– Не, не знаю. Никогда не видел.

– Садись, мы научим. Тебе понравится.

– Не-а, спать хочу, – ответил он. – В другой раз.

И начал устраиваться на скамейке. Это явно успокоило

лихих, и к Федоту подсел паренек с бегающими глазами и подвижным лицом, и осторожно начал выспрашивать, кто, откуда, как с десятником знаком.

Федот отвечал односложно, зевая, переспрашивая и не понимая вопросов, что-то вроде: «Да я и не знаком вовсе! С чего вы взяли?» А потом и вовсе завернулся в тулупчик, отвернулся к стене и уснул. Паренек посидел в недоумении, пощипал зубом, пощупал Федотову одежду глазами и ушел к своим, где все тут же принялись о чем-то шептаться...

Как лихие укладывались спать, Федот не видел, но в самую глухую ночь осознал, что снова видит дурацкий сон про свою жизнь в деревне, и в нем к нему на печку поднялась женщина неземной красоты и протянула медное колечко удивительной работы: «Ты потерял!»

Федот поднял руку, чтобы взять колечко, и почувствовал, что сам находится в одном сне, а прекрасная гостья – в другом, откуда и протягивает к нему руку. Таких ощущений Федот не знал: эти два сна соприкасались боками, но там, где рука пронзала их слипшиеся стенки, невидимая поверхность словно кипела и взрывалась капельками горячей жидкости...

И еще из другого сна в безмятежный сон Федота тянуло тревогой, словно сам тот мир, из которого она пришла, был смертельно опасным для дураков. И тянуло оттуда с такой силой, что Федот начал пробуждаться прямо во сне, и в какой-то миг определенно почувствовал, что пробудился, хотя и не проснулся, остался внутри сна.

Но как только он понял, что проснулся внутри сна, ему стало трудно удерживать видение прекрасной незнакомки. Оно еще как-то держалось, пока он глядел на нее боковым зрением, но тут же принималось гулять и искажаться, стоило посмотреть прямо. Поэтому он старался на нее не смотреть. Но видение все равно удержать не удалось, лишь рука с колечком тянулась к нему из раскаленной дыры в коже сна.

Он попытался взять колечко, пока оно тоже не исчезло, но тревога от этого так вспыхнула, что он каким-то самому ему непонятным усилием порвал оболочку своего сна и вышел из него, как из яйца, в темное пространство избы, где спал. Рука и кольцо окончательно исчезли, он висел над скамьей возле стены, где и спал. Света не было, но и тьмы тоже. Мир был серым, но не просто серым, а как бы светился серым светом.

В этом свете Федот разглядел спящих тут и там лихих, повернувшись, увидел и какое-то тело на скамейке под собой. Оно, похоже, тоже спало. Появилось подозрение, что это его тело, но уверенности в этом не было. Тело это должно было быть его телом, но оно было совсем незнакомым.

Но понять это ему не удалось, потому что в этот миг он почувствовал, что снаружи тревожилась Белка и невидимой нитью, образовавшейся между ними, тянула его из сна, чтобы он проснулся. Проснуться он не смог, зато начал слушать звуки этого мира.

Услышал храп и сопение, услышал, как с писком дерутся мыши где-то в стене, затем услышал, как негромко тявкнула

Белка, и снова раздалились осторожные шаги сапог с каблучками, подымавшиеся на крыльцо. От этих шагов тянуло такой же тревогой, как из сна с незнакомкой. Ему стало страшно, и он постарался спрятаться за телом, спавшим на скамейке, и ему удалось провалиться между ним и стеной...

В избу снова вошли двое, и, как в прошлый раз, женщина щелкнула пальцами, и помещение осветилось голубоватым светом. Они откинули колпаки, закрывавшие их головы, и Федот узнал ту же пару. Они принялись осматривать спящих, и мужчина сказал, качая головой:

– Ты только посмотри, опять одни зародыши!

– Эти, вроде, получше.

– Получше, конечно. Но тоже все порченые... кривые...

Не люблю я кривых, до дурака проще достучаться, чем до кривого. Кривизна, как вторая душа, ловит обещанием силы... Ничем не вытравить... А наш-то здесь!

– Здесь, вижу! – засмеялась она. – Прячется, хитрец!

– Слушай, а он неплохо принялся! Вчера еще никаких признаков разглядеть нельзя было!

– Кроме этого! – воскликнула она, показывая на волосяной пояс на теле, за которым прятался Федот.

– Да я так и подумал, что вряд ли у простого зародыша такая вещь может быть. Но это все косвенное. А теперь, смотри, еще и колечко прибавилось! Когда успел найти?

– А мы сейчас ему память еще освежим. Я не зря сегодня по путям моталась... – женщина достала из складок своей

одежды маленькую сияющую искорку и протянула Федоту. — Ну, дружок, выползай из своей норки! Это, часом, не твое, не ты потерял?!

А тянула она свою руку не к спящему телу, а прямо к Федоту, прячущемуся за телом у стены. И тянула так, как это было во сне, а в руке у нее было крошечное медное колечко удивительной работы, светившееся тревогой иных миров...

Федот хотел потянуться к колечку, но вдруг сообразил, что они его увидят и поймут, что он не спит, и решил и дальше прикидываться спящим, как он это делал в доме у братьев, когда невестки утром будили. Но в следующий миг понял, что его уже видят, и видят, что он не спит, раз протягивают колечко прямо ему. От этого его обдало жаром, он сжал зубы, приподнялся и осторожно протянул руку к колечку.

И понял, что его рука не может взять эту вещь, рука была бесплотной и прозрачной, словно он был призраком. Федот понял это и ощутил, что проваливается в растерянность. Но в этот миг палец его бесплотной руки коснулся колечка, и хоть никаких ощущений плотности Федот и не почувствовал, но какой-то разряд сорвался с кольца и пробежал по всему пальцу, так что заныло болью внутри суставов и пошло вверх по руке, отдавшись в плече, а потом где-то в груди и животе.

Кольцо словно срасталось с его телом, но не с тем, что спало, а с тем, что было бесплотным!

Мужчина подошел и поднял руку спящего, а женщина на-

дела медное колечко на палец этой руки, рядом с серебряным.

– Ну что, сказал он, – теперь остается только наблюдать.

– И помогать, – добавила она. – Сумеешь перетащить сюда его друзей?

– О-хо-хо! Постараюсь.

– Тогда прощай! – Улыбнулась она Федоту. – Твой старый приятель хочет передать тебе весточку!

Они засмеялись и пошли из избы. Мужчина приоткрыл дверь и свистнул. Из темноты в серый сумрак избы влетел огромный ворон, опустился на скамейку, так что та даже вздрогнула от его веса, подошел к спящему и, скосив глаз, всмотрелся в его лицо.

Лицо это, похоже, ему не понравилось, он взлетел, каркнул, выпустил на лицо дурака белую струю и вылетел из избы. Струя зацепила лоб Федота и ударилась о скамейку с глухим звуком, будто была металлической.

– А что ты хотел, дружище! – засмеялся мужчина. – Крук порченных не любит! Выкарабкивайся давай! Эта дрянь – он показал на белую струю, – лучшее лекарство от порчи!

Взгляд Федота провожал его, пока не закрылась дверь, и одновременно смотрел, как белая струя, выпущенная вороном, превращается в белое блестящее перо, торчащее из скамьи, и как на нем густеет верхняя часть, словно рукоятка ножа...

Нож

Как Федот снова оказался в теле, он не помнил, и что снилось, тоже не помнил. А проснулся от того, что кто-то копошился в его одежде. Он приоткрыл тихонько, как делал это с невестками, один глаз и увидел крученого паренька с бегающими глазками, осторожно обыскивающего его кафтан. Федот несильно ударил его наотмашь по шее сбоку, и паренек с визгом укатился под стол.

Тут же со скамеек повскакивали остальные крученые. У ближнего в руке появился нож, и он принялся размахивать им перед лицом Федота:

– Ты чё, лысый, оборзел вконец?! На перо захотел?

Вид ножа и эти слова напомнили Федоту, что было ночью. Он посмотрел на скамью, где ночью торчало перо с рукояткой, и увидел след от жала ножа. Видать, то был не сон...

Федот медленно спустил ноги со скамьи, зевнул и лениво поймал крученого за руку возле кисти, одним движением согнул ему кисть и с силой воткнул нож его же рукой в скамейку, прямо в то место, где нож и торчал ночью, а на возврате движения зацепил крученого открытой ладонью по челюсти. Крученный отлетел, держась за челюсть. Похоже, она вылетела...

Действия руки удивили Федота, будто она сама знала, что делать, но выглядела она, как обычно...

Пока Федот разглядывал руку, на него бросилась сразу пара лихих, норовя поймать за руки и за ноги. Федот их бить не стал, а просто сгреб за шею того, что тянулся к руке и обрушил его на того, что вцепился в ноги, ударив спиной об спину. Оба со стонами покатались прочь.

Федот долго глядел на торчащий из скамьи нож, раздумывая, брать его или не брать, но нож пугал его, и чем больше он на него смотрел, тем больше от ножа тянуло тревогой. Федот встал, оделся, обулся и пошел к десятнику, решив, что десятник умный, пусть он и рассудит.

Лоб у него жгло, будто кто-то из дерущихся все же зацепил его чем-то шершавым, ободрав кожу...

Федот вошел к десятнику, который как раз завтракал с двумя старшими стрельцами, сидя за столом в исподней белой рубахе.

– Садись, угощайся, – пригласил он Федота широким движением руки.

Но Федот снял шапку и мялся у двери, почесывая в голове и потирая красную полосу через лоб.

– Чего не ладно? – спросил десятник.

– Я там, того, побил лихих... – повинился Федот. – Боюсь, не зашиб ли кого...

– Чего это ты руки распускаешь?! – нахмурил брови десятник.

– Они сами... Там еще нож, я вот о чем...

– У них нож был?! Вы чего, не обыскивали? – повернулся

он к стрельцам.

– Как не обыскивали! Все подчистую выгресли! Откуда нож? Вот отребье, ну, всюду нашкодят! – возмутился стрелец.

– Не-а, – сказал Федот. – Нож не их.

– А чей? Твой?

– Не-а, не мой. Ночью принесли.

– Кто принес, кому принес?

– Кто принес, не знаю. То ли люди, то ли птицы... А бросили мне, в голову... В скамейке торчал возле моей головы... – и Федот погладил полосу на лбу.

– Что за чудеса у нас происходят? – воскликнул десятник. – Люди какие-то по ночам к нам ходят. Ножи в головы швыряют! Пошли, разберемся! – и он надел тулуп поверх рубахи, подумал и натянул сверху кафтан, чтобы выглядеть при исполнении.

Стрельцы сходили в избу новобранцев, поглядели на битых, прячущих глаза кривых, которые лихими теперь снова не смотрелись. Десятник резким рывком книзу вставил выбитую челюсть, чтобы кривой мог отвечать на вопросы, и учинил всей четверке допрос.

Лихие, чуя, что запахло жареным, покаялись, что увидели в изголовье лысого красивый нож и решили его пощупать, нет ли каких других дорогих вещей. А он оказался сущим медведем и всех поломал, так что теперь не знают, смогут

ли тащить государеву службу. И просят только об одном: отправить их подальше от этого черта, хоть прямо на войну!

Десятник молча забрал нож и вернулся в свою избу, где его ждал Федот. За ним, посмеиваясь, набились стрельцы, которые уже прослышали, что их новобранец навалял лихим.

– Ну что, будем наказывать? – спросил старший стрелец десятника.

Десятник только помотал отрицательно головой:

– А зачем? Ни хитру, ни горазду, ни птицею горазду суда божьего не минути! Лихие в стрельцы лезут, чтобы оружие и власть получить. А получают воинскую службу под Смоленском. Куда уж больше наказывать. Да и прибор никто не отменял. Ты нам, – повернулся он к Федоту, – весь прибор загубишь со своими кулачищами!

Стрельцы захохотали, хлопая виноватого Федота по спине. Федот только ниже склонил голову.

– Собирайся! – сказал ему десятник.

– Куда?

– В Суздаль. Не буду ждать, сегодня отвезу к полусотнику. Пусть у него голова болит!

Стрельцы снова загоготали.

– Я собравшись, – сказал Федот.

– Тогда держи. В бою добытый, – и протянул Федоту нож. – Восточной работы, видать, каких купцов из Сарая, а то и из Самарканда грабанули...

Нож был странным, слегка изогнутым, с узорчатым лезвием и металлической, с мелкими камушками ручкой. Федот повертел нож в руках и не придумал, куда же его положить.

– Ты его в рукав спрячь, – посоветовал один из стрельцов. – Там отгиб большой, как раз за него уместится.

Федот засунул нож в рукав кафтана и изнутри попытался его вставить за отворот рукава. Дело оказалось непростое, и пришлось закатать рукав рубахи, но как только нож коснулся кожи предплечья, он словно раскалился, и руку обожгло огнем. Федот аж подпрыгнул, трясая рукой.

Нож отлетел и упал на пол. Он стал рыжим от ржавчины, камушки выпали, а металл рукоятки посерел, словно олово.

– Чего ты?! – подивился десятник.

– Обожгло! – ответил Федот, растирая осторожно руку, на которой явственно проступало длинное, красное пятно, похожее на родимое.

– Словно в огне побывал, – сказал десятник, рассматривая нож. – Что за чудеса?!

– Никак порча какая на нож наложена была, – сказал один из стрельцов, шевеля нож кочергой. Все тут же закивали и слегка попятились. Пуль и сабель стрельцы не боялись, а вот порча их пугала...

– Не иначе как на смерть заговорен был, – закивали остальные. – Как рука-то?

Федот поднял рукав, показал пятно. Все покачали головами, поцокали языками:

– Везучий. Легко отделался.

– Это, если рука не отыметя, – сказал десятник. – Как, боль-то разливается? Рука не немеет?

– Не-а, жжет только... Но меньше.

– Ну, посиди тут, подожди, пока я соберусь. Поешь, вон, пока, – сказал десятник. – На коне-то ездить умеешь?

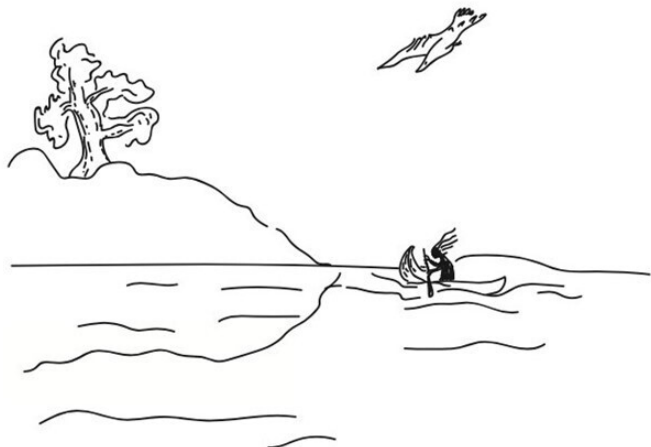
– В санях?

Все опять захохотали.

– Верхом, дурень! Да вы погодите ржать, балбесы, с этим парнем нельзя знать, чего он умеет, а чего нет. Вот еще окажется лучше вас наездником.

Стрельцы тут же согласились, что такое возможно.

Федот тихо сел в угол к столу и сделал вид, что ест. Но когда он сунул руку в рукав, чтобы погладить пятно, нож внезапно оказался в его руке, словно выскочил из пятна. Это его так напугало, что он тут же разжал руку, и нож исчез. Федот поглядел на ржавый нож, валявшийся на полу – он так и валялся, куда упал. Но как только Федот снова погладил пятно, нож опять прыгнул ему в руку...

И это показалось ему знакомым, но словно из давно забытого сна... И из того же сна пришло понимание, что об этом рассказывать не надо.

В тот же день десятник отвез Федота в Суздаль на стрелецкое подворье. Оказалось, что на коне он держится вполне прилично, и стрельцы провожали, хлопали его коня по крупу и говорили: «Скоро свидимся в Суздале».

Всю дорогу Федот разглядывал новый нож, выскакивающий ему в руку из родимого пятна на предплечье. И он ему очень нравился. Но вместе с ним пришло ощущение, что этот нож не для обычных дел и еще пригодится однажды в

будущем...

В ожидании головы

Артамон Сергеевич Матвеев уже несколько лет был полковником, но оставался стрелецким головой третьего стрелецкого приказа, и стрельцы его полка предпочитали звать его своим головой, потому что голова у него была светлая. Матвеева любили, как никого другого. Царь Алексей Михайлович назначил Матвеева командовать полком в 1648 году, двадцати трех лет отроду. И не было в России лучшего начальника для своих подчиненных, хотя полководцы лучше и были.

Царь, отвоевав Смоленск у поляков и литовцев, вернулся на зиму поближе к семье. А Матвеев задерживался – устраивал гарнизонную службу в разоренном, разбитом пушками и выгоревшем городе, налаживал и городскую жизнь, восстанавливал стены. Город не потому город, что огражден стенами, а потому, что ограждает своих граждан от лихих людей и вражьей силы. Но для того чтобы город ограждал, нужны и стены, и граждане. А граждане в городе – это не просто жители, это те, кто делает город живым и способным поддерживать свою жизнь.

Поэтому Матвеев не мог вырваться к семье, пока не наладит жизнеобеспечение и жизнедеятельность города. Стрельцы ждали его всю зиму, словно солнышко. А вернее – вместе с тем солнышком, которое любому русскому человеку, на-

учившемуся жить зимами, безошибочно говорит: «Все! Пошла зима на весну!»

Но солнышко все не приходило, а полковник все не ехал. Между тем стрельцы сняли сторо́жи с дорог и продолжали нести службу на заставе. Многие перевезли из Москвы, с Трубы, как назывался водосток в стене Белого города, где протекала река Неглинка и располагалась стрелецкая слобода, свои семьи в Суздаль, предполагая, что уедут весной с полковником строить ему дом в Лух. Матвеев всегда давал своим стрельцам заработать на строительных подрядах.

Другие, зная, что в Лухе и ближнем к нему Холуе проходят ярмарки, сдружились с суздальскими офенями и попросили их свести их с Лухскими и Холуйскими офенями, чтобы завести хорошую торговлю. Так на заставе стали бывать офени, проезжавшие по своим торговым делам через суздальскую заставу со всего офеньского края, что тянется от Суздаля до Южи и от Шуи до Коврова.

Офени или, как их в ту пору звали, афинеи, были русскими внуками и правнуками приехавших почти два века тому назад вместе с бабушкой Ивана Грозного Софьей Палеолог греческих мастеров-ремесленников, особенно иконописцев, испоселенных на владимирских землях в Суздале, Шуге, Палехе, Холуе, Мстере, и расселившихся по всем окрестным селам, включая Шую, Мыт и Лух. Земли эти были неплодными, урожая не давали, и потому сделать их ремесленными было мудро.

А где ремесло, там и товар. Так развилась та удивительная офеньская торговля, что охватила связями Россию от Урала до Кавказа и Европу до Берлина. Считается, что читать Россию научили учителя-народники, пошедшие в село в конце девятнадцатого века. Это самообман русской интеллигенции.

Грамотность была на Руси издревле, еще до монастырей, но монастырские школы сильно задушили ее, переучивая русского человека с русского языка на церковнославянский, а вот офени, раскрутив мощнейшую книжную торговлю, переучили снова на русский язык, поскольку торговали, наряду с иконами, книжками светскими, для простого чтения.

Вот этих торговых людей и стала привечать суздальская стрелецкая застава по заданию Артамона Матвеева и с прикидкой войти в офеньские рынки. Завернуть офеней на заставу было несложно, достаточно приказать всем торгующим людям предъявлять свои товары для досмотра. Но как сдружиться с хитрыми офенями, даже говорящими на тайном языке, выросшем из греческого?

Как ни странно, но дружба пошла, благодаря Федоту.

Торговый человек, человек дороги, живет в постоянной опасности. Ему надо не только уметь так говорить, чтобы другие не понимали, но и отстоять свой товар и даже жизнь, которая в то лихое время ценилась мало. Поэтому офени путешествовали, сбиваясь в большие поезда и хорошенько во-

оружившись. Но одного оружия мало, надо еще уметь сражаться.

Стрельцы же, с появлением Федота, увлеклись борьбой, и каждый день возились в теплые дни посреди заставы, а в морозы в самой большой избе у полусотника, который ради выполнения задания охотно пускал борцов к себе. Сюда же он начал приглашать суздальских офенских старшин, а им велел присылать свою молодежь, чтобы боролись вместе со стрельцами.

Встречи эти начинались с общей борцовской затравки, когда борцы показывали себя, а завершались тем, что желающие пытались ухватить Федота. Федот же разошелся, научился улыбаться, когда борется, и ему стало нравиться играть с борцами. Он придумывал новые упражнения.

То вставал на колено или даже садился и давал себя валить стоячим. То вставал на четвереньки, и двое-четверо борцов пытались его перевернуть на спину. А то боролся на ногах сразу против нескольких противников, закрываясь одним от остальных, так что они бегали за ним по всей избе, не в силах прихватить.

Этот вид борьбы в толпе особенно нравился и стрельцам, и офеням, которые все были любители стеношных боев. Стенка на стенку – это только по видимости бой, в котором бойцы стоят в ряд, плечом к плечу. Действительная стенка начинается в ряд, пока бойцы сходятся, а потом рассыпается, и битва идет в толпе. И тут, если не иметь глаз на затылке,

прилететь может откуда угодно. Поэтому очень важно уметь видеть всех противников вокруг себя и не давать себя окружить.

А в настоящей битве, как и при нападении разбойников на дороге, со спины еще и могут воткнуть саблю или нож. Поэтому уметь всегда быть с краю толпы, закрываясь от остальных нападающих одним из них же, и биться даже в толпе один на один, не допуская численного преимущества противника, – насущное искусство. И Федот показывал, как расширить зрение, глядя рассеянным взглядом сразу во все стороны, и как перехватывать одного, делать его управляемым и закрываться им от остальных. Да еще так, чтобы они били своего же.

Занятия эти скоро стали излюбленным развлечением всего офеньского края, и офеньские поезда теперь уже не по приказу стрелецкого начальства, а сами заворачивали на заставу и везли Федоту подарки, которые тот неизменно раздавал стрельцам. Сами эти игры ему так нравились, что брать за них какую-то мзду он не мог. А жизнь в слободе была сытной и полной, так что ему ничего и не требовалось.

Полусотник поглядел-поглядел на Федота, а затем вызвал писца и принял Федота в стрельцы своим приказом. Выдали Федоту зеленый кафтан, желтые сафьяновые сапоги и алую шапку с меховой опушкой и устроили по этому поводу праздник всей заставой. А офени наташили подарков, которые Федот не знал, куда девать.

Но тут, словно почуяв весть по воздуху, объявились его умные братья и прибрали все подарки, пока Федот их не раздарил. И под шумок договорились с полусотником, что им будет позволено поставить лавку среди прочих стрелецких лавок в Суздале, и что их будут от имени Федота числить купцами.

Насчет купцов полусотник велел им договариваться с суздальской земской избой, а лавку поставить разрешил. А также выдал Федоту пять рублей домовых денег на постройку жилья. Но Федот деньги отдал братьям, а сам остался жить в общей избе с другими холостыми стрельцами, чему все были несказанно рады.

Полусотник же поглядел на это с усмешкой, переглянулся с десятником, и оба согласились на том, что не надо Федоту ставить себе избу, неизвестно, как судьба им распорядится...

А судьба не замедлила подать свой знак. Как только Федота определили нести службу, и он стал стоять дозором в будке у дороги, их с Белкой стали одолевать птицы. Сначала появились воробьи, для которых у Федота всегда были в тряпице крошки, которые он тщательно сгребал со всех обеденных столов. Затем прилетели голуби, а за ними и вороны с галками.

Дошло до того, что пара сообразительных ворон стала будить Федота по утрам, стуча клювами в окошко, затянутое бычьим пузырем. Остальные стрельцы сначала смеялись над

ним, мол, подружки на гулянки зовут, а потом привыкли. И даже то, что птицы могли сидеть у Федота на плечах и так с ним и ехали до его будки, стрельцов уже не удивляло. Но не полусотника.

Тот каждый раз, глядя на это, мотал головой и задумывался о чем-то сокровенном, но об этом даже десятнику не говорил, храня до начальства.

И вот в первый же день, когда появилось то самое солнышко, с которого на Руси начинается поворот на весну, Федот вышел на крыльцо, погладил Белку, поклонился стоявшим на дворе полусотнику, десятнику и другим стрельцам, уселся на ступеньки и привычно швырнул сметенные со всех столов крошки прямо на утопанный двор, на пустое место, вокруг которого стояли люди.

Воробьи тут же слетелись на крошки, за ними голуби, осторожно, косясь на людей, подошли обе серые Федотовы подружки, шугнули воробьев и голубей, клюнули по паре раз, а затем вдруг вцепились во что-то блестящее и принялись тянуть это каждая к себе. И все увидели, что в клювах у ворон золотое кольцо. Откуда взялось на пустом месте, где прошли десятки людей!

Одна ворона, не разжимая клюва, заорала на другую хриплым криком, вторая воспользовалась, вырвала кольцо и с ним бросилась прочь от заморожено наблюдающих за ними людей, в сторону сидящего на крыльце Федота. Но пролетая над ним, выронила колечко, и оно упало прямо Федоту в ру-

ку.

Народ только удивленно мотал головами: вот, чудеса! Не иначе как голова едет!

А Федот глядел на колечко и понимал: это и вправду чудеса, потому что из колечка явственно тянуло знакомой тревогой и памятью о самом себе...

Стрелецкий голова

Весна в том году собиралась быть ранней и обильной талой водой, поэтому голову ждали до марта, то есть до воды. И особенно ждали в солнечные дни. Так и вышло. В последние дни февраля, в ясный солнечный день Федот сидел в избе у полусотника, и вдруг почуял, что золотое колечко на его руке начало нагреваться. Он в удивлении принялся ощупывать его – кольцо действительно потеплело.

– Что такое? – спросил полусотник.

– Не знаю. Не иначе, как что-то хорошее... приближается... или плохое... – ответил Федот недоуменно.

– А поедем-ка, Федот, прокатимся... – принял внезапное решение полусотник. – Бери-ка мой мушкет вместо пищаля, сабельку нацепи...

– Я бы лучше с топором... – промямлил Федот, но спорить не стал. Надел пояс с саблей, взял укороченный кавалерийский мушкет полусотника и к нему огневой припас и был готов.

Полусотник хотел взять кого-нибудь из стрельцов, но во дворе заставы никого не случилось, и они оседлали коней и вдвоем, в сопровождении преданной Белки, ускакали на встречу мартовскому солнцу. И, как выяснилось, не зря ускакали.

Проехали они верст пять по старой дороге, и только въе-

хали в лесочек, как услышали выстрел, затем другой и третий. Полусотник стегнул коня и сходу ушел в галоп, Федот поотстал вначале.

Когда выскочил из-за деревьев, увидел, что на дороге дюжина разбойников осадила крытый возок, который сопровождала пара конных стрельцов. Стрельцы саблями отмахивались от нападавших с копьями и рогатинами разбойников. Ехавший в возке барин шпагой отбивался сразу от нескольких и уже уложил пару. Полусотник подлетел к разбойникам с тылу и сходу раскрыл саблей голову одному из них, так что разбойники почувствовали себя окруженными и побежали через сугробы в лес.

Но страшными были не они. Страшным был разбойник, стоявший на опушке, на тропе, уходившей в лес, и целившийся в махавшего шпагой барина из пищали. До него было еще далеко, поэтому Федот подстегнул коня пятками, стащил мушкет через голову, взвел курок и стал целиться на ходу.

Его выстрел грохнул на мгновение раньше выстрела разбойника, пуля ударила так, что того швырнуло на снег, и пищаль подкинуло, ее выстрел ушел мимо. Однако Федот только зацепил разбойника своим выстрелом, и он, зажимая рану на плече, попытался на карачках уползти в лес.

И тут Белка поразила Федота. Она, словно громадная птица, стелясь над снегом, догнала его, схватила сзади за шею и тряхнула сильным движением головы, как борзая волка, так

что шея хрустнула, и разбойник обмяк и повалился в снег...

На выстрелы обернулись все, и те разбойники, что бежали к лесу, рванули еще быстрее, а оставшиеся на дороге бросились следом. Кто успел, конечно, – пяток остался лежать вокруг возка. Стрельцы их не преследовали. Вот только Белка пропала, ушла в лес вслед за убежавшими, и Федоту это показалось подозрительным, но лишь на мгновение.

Он подъехал к стрельцам, на ходу перезаряжая ружье, готовый стрелять, если появится опасность. Полусотник уже спешил и обнимал барина, крича, как рад, что успели, и спрашивая, не ранен ли. Барин этот оказался полковником стрелецкого полка или, иначе, головой стрелецкого приказа, стольником Артамоном Сергеевичем Матвеевым, которого так ждали.

– Как ты здесь оказался? – улыбался полковник, осматривая дыру в рукаве своего странного кафтана нерусского кроя. – Царапина, заживет! Как вы, братцы?

– Все хорошо, Артамон Сергеич! Ваську зацепило, но не глубоко. А вот возницу нашего, похоже, убили!

– Вот, незадача! – крикнул полковник, обходя возок и разглядывая лежащего на снегу с разбитой головой возничего. – Боярин Морозов свой возок дал вместе с возничим... Мы с ним от Павловского добирались. Надо будет денег семье послать... Приберите его! Так как ты тут оказался?

– Да вон мой молодой стрелец почуял чего-то... Мы и решили прогуляться тебе навстречу! Вишь, как вовремя.

Стрельцы поздоровались с ним и Федотом, поблагодарили их за помощь и принялись усаживать тело возницы в возок.

– Придется тебе, Артамон Сергеич, с трупом дальше ехать в возке-то... Я на козлы сяду, – сказал один из них.

– Садись. А я на твоём коне вперед поскакал. Догоняйте, – и повернулся к Федоту. – Так это ты стрелял? Хороший выстрел. Мне показалось, ты на ходу стрелял. Мушкет голландский. Вроде, у тебя такой был? – повернулся он к полусотнику.

– Мой и есть. С ходу, с ходу стрелял! Да ты погоди, Артамон Сергеич, это еще что за выстрел. Вот приедем, мы тебе покажем, что этот парнюга вытворяет.

– А тебя как зовут-то? – повернулся полковник к Федоту.

Федот до этого спокойно разглядывал полковника, его сушоцавое лицо с острым носом с горбинкой и его странную одежду. Но под прямым взглядом пронзительных, умных глаз смутился и потупился:

– Федотом теперь...

– А что, раньше иначе звали?

– Раньше звали дураком.

– Что, правда, что ли? – удивленно повернулся полковник к полусотнику.

– Ну, есть маненько у парня, – покивал полусотник. – Простой он. Птицы его любят. Собачка, вон, не отстает, – показал он на возвращающуюся из леса Белку. – Стрелок от бога.

Чутье у него. Поехали, Артамон Сергеич, я тебе по дороге кое-какие мысли расскажу...

И пока они ехали до заставы, рассказывал все, что знал про Федота, и про то, что, если он так с птицей хорошо знает, не попробовать ли его в сокольники... Полковник был сметлив, разжевывать ему такие намеки не требовалось – любимое развлечение царя было соколиной охотой. И если подарить ему хорошего сокола, можно рассчитывать на благодарность, а если хорошего сокольника, то и на большее...

– Ну, Венедих, порадовал ты меня сегодня дважды, – засмеялся полковник, качая головой. – Чутьем своим порадовал. И теперь вот радуешь. Если все получится, быть тебе сотником у Трубы.

– Артамон Сергеич, да я для вас...

– Погоди благодарить, назначу сотником, придется со мной в Смоленск ехать. Новобранцев поведешь. Государь хочет летом Львов брать, Вильно...

– Да охотно! Во главе-то сотни! Всех ляхов порубаем!

– Не хвались, пока не порубал. Война – дело страшное. Ты еще своих парней в ключья порванных не хоронил... – глухо произнес полковник, а потом сменил разговор. – Покажешь мне сегодня, как у тебя хозяйство ведется. Много ли мастеров насобирал, что с торговлей. И ты мне должен был каменщиков найти, чтобы строиться в Лухе.

– Собрал, собрал! Артель готова. И с торговлей, я тебе скажу, Артамон Сергеич, благодаря этому парню, все офень-

ские поезда теперь через мою заставу идут. А с ними до Кавказа и до Урала торговать можно. Да они в обход войны до венгров и до немцев добираются. Немалые дела можно делать!

– А он-то здесь причем?

– А вот увидишь. Сегодня отдохнешь, в баньку сходим, а завтра офени приезжают позабавиться. Там и посмотришь.

– Не хотел я задерживаться. Государь ждет, в Смоленск возвращаться собрался. Хочу обороткой смотаться через Шую до Луха, показать строителю, где строить, договориться с властями на месте о помощи, да и обратно. Полк в Смоленске бросать нельзя...

– Один день ничего не решит. А осмотреть наше хозяйство надо. Да и стрельбища устроим при свете, сегодня уже поздновато окажется. И борьбу посмотришь. С офеньскими старшинами познакомлю. А это, считай, возможность свободных денег, если на что срочно вложить потребуется...

При этих словах полковник снова посмотрел на полусотника с прищуром:

– Ну, Венедих, если все так, вместе со мной в Москву поедешь. Есть кого вместо себя оставить?

– Подготовлен! – радостно засмеялся полусотник. – А скажи-ка, Федот, вон в того коршуна мог бы попасть, что над нами кружит? – вдруг крикнул он.

Федот остановил коня, поглядел вверх. Полковник с полусотником тоже остановились, наблюдая за ним.

– Попасть-то можно... – задумчиво ответил Федот, пряча глаза.

– Да ну! – крикнул полковник. – Это ж немыслимо!

Полусотник закивал ему, показывая руками: мыслимо – немыслимо, а попадет, чертяка!

– Ну, попади! – сказал полковник.

Но Федот мялся и не стрелял.

– Что не так? – воскликнул полковник.

– Что не так? – спросил полусотник Федота.

– Я птичек люблю, – тихо прошептал Федот. – Чего его зря убивать. Не на еду ведь... Можно, я у него только перо выбью?

– Перо?! Он сказал, перо выбьет? – обалдело переспросил полковник, глядя на столь же обалделого полусотника. – Ну, выбей перо!

Федот тут же повеселел, вскинул ружье, прицелился и стал ждать, пока придет внутренний толчок, означающий, что все получится. Толчки приходили несколько раз, но Федот не успевал нажать на спусковой крючок, и ему пришлось внутренне перестроиться, стать словно бы быстрее внутри себя.

И перо вылетело из хвоста коршуна и, кружась, упало на дорогу.

Полковник сам спрыгнул с коня, подобрал перебитое перо и спрятал за околыш шапки:

– Эту метку мне есть кому показать, сотник...

Дела полковничьи

На стрелецкие посиделки, в связи с приездом полковника, пришли не только суздальские и офеньские старшины, но и местные девушки из лучших семей. Сидели в своем углу, играли глазками, шушукались и пели:

- Все цветы они алые,
- А один алее всех,
- Все дружки они милые,
- А один милее всех...

Полковник устроил пирушку для старшин, а потом, в качестве развлечения, позвал борцов.

Старшины потому и поднялись по жизни, что были людьми силы. Поэтому толк в борьбе знали, но смотрели, посмеиваясь, как на игры молодежи. Пока не вызвали Федота. Тут у старшин сначала начали морщиться лбы, выказывая их явное недоумение, затем начали подергиваться тела, разогреваться внутренний жар, а следом они принялись скидывать кафтаны и один за другим высказывали попробовать, что это за диво происходит.

Полковник переглядывался с полусотником и посмеивался. Они оба предчувствовали, какое воздействие окажет это зрелище там, где найдутся ему ценители, и мысленно потирали руки.

- Боярину Морозову показать бы... – шепнул полусотник.

– Люблю сообразительных, – усмехнулся полковник. – А, как думаешь, Федот наш тоже сообразительный?

– А давай проверим, Артамон Матвеевич! Чего тут гадать.

– Ну, проверь, – разрешил полковник и переключился на старшин, ведя с ними дипломатические переговоры.

Старшины знали про него, что он не только полковник, но и стольник, и дипломат и ездит по поручению государя по заграничным странам, знали даже, что жену привез из Шотландии королевских кровей, и им льстило, что он посвящает их в тайное тайных. Правда, расходясь, неглупые русские люди качали головами и делились ощущением, что сказал стольник много, а чего сказал, так и не поняли... Но были этим довольны, потому что дипломат и должен говорить много, а сказать ничего!

Полусотник же между тем велел Федоту, когда все разойдутся, остаться и посторожить в горнице, поскольку у них с полковником будет важный разговор, который никто не должен подслушать. Федот сел на скамье у дверей, поставил саблю между ног, уперев в пол, положил на ее рукоять обе руки и замер, прислушиваясь к тому, что творится вокруг.

Полковник с полусотником, проводив гостей, уселись за стол, налили себе заморского вина, ромanei, предложили Федоту, но он поднялся на ноги, поклонился и отказался:

– Я лучше молочка.

– Не пьешь лишку? – спросил полковник.

– Не-а, – ответил Федот. – Не пробовал.

– Так, может, попробуешь?

– Я бы лучше молочка. Пахнет как-то...

– А ну-ка подошел, попробовал, – приказал полусотник.

– Ага! Есть, – ответил Федот, подошел, отпил из оловянной стопки глоток романеи, поморщился и поставил на стол. – Молоко лучше!

– И брагу или мед, водку, тоже не любишь? – спросил полковник.

– Братья пили, мне не наливали. Не знаю, люблю ли.

– Так попробовал бы.

– А чего пробовать. Я что ли, братьев не помню. Сразу драться лезли...

– Или квасу? – засмеялся полусотник.

– Или квасу, – ответил Федот, вернулся к двери и уселся, поставив саблю между ног.

Полковник с полусотником проводили его взглядами, улыбаясь, но полусотник подмигнул и начал мудреный разговор за государственные дела. Принялся обсуждать сложные отношения боярина Морозова с Милославскими, и то, как громили людей Никиты Романова и Якова Черкасского, начиная с Савинки Корепова, беломестца князя Романова, который говорил, что царь молодой глуп, черт у него ум отнял, и глядит он изо рта у бояр Морозова и Милославского.

Полковник рассказал, что до приговора Савинка был от-

дан ему, и он держал его в подвале, приставив по двое стрельцов к дверям и с наружным обходом, пока его пытали, и до самого смертного приговора Думы, после чего передал палачам и только тогда вздохнул спокойно...

Посреди этого рассказа Федот встал, неслышно шагнул к двери и резко распахнул ее, сбив с ног какого-то человека, оказавшегося за дверьми. Человечек был ловким и быстрым и попытался удрать, но Федот тут же подбил его ногой, ухватил за воротник и броском закинул внутрь горницы, сразу же захлопнув за собой дверь, так чтобы некуда было сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.